

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

Х.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕСЯТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^О.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА.

—

ПОВѢСТИ.

Арапъ Петра Великаго	3
Лѣтопись села Горохина	71
Дубровскій	103
Египетскія ночи	243
Сцены изъ Рыцарскихъ временъ	271

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнѣ — и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ прудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ

*

доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не поропился. Онъ опговаривался подъ различными предлогами: по раноу, по желаніемъ усовершенствоватъ свои познанія, по недо-спаткомъ въ деньгахъ — и Петръ снисходитель-спвовалъ къ его просьбамъ, просилъ его забо-пипься о здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученью — и, крайне бережливый въ собствен-ныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него сво-ей казны, присовокупляя къ червонцамъ опечес-кіе совѣшны и предостерегательныя наставленія. По свидѣтельству всѣхъ историческихъ запи-сокъ, ничто не могло сравниться съ легкомыс-ліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ по-го времени. Последніе годы царствованія Людо-вика XIV, ознаменованные спрогой набожностію, важностію и приличіемъ Двора, не оставили ни-какихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастію, не имѣлъ и пѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Law; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаж-дою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гнила; Французы смѣялись и раз-сипывали — и государство распадалось подъ игривые пригѣвы сапирическихъ водевилей.

Между-тѣмъ общество предспавляло картину самую занимательную. Образованность и поспренность веселились сблизили всѣ соспоянiя. Богатство, любезность, слава, шаланшы, самая спранность — все, что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствiе, было принято съ одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣнiями. Женщины царствовали, но уже не пребовали обожанiя. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое къ нимъ почтенiе. Проказы герцога Ришельё, Алкивиада новѣйшихъ Авинь, принадлежатъ Истории и даютъ понятiе о нравахъ сего времени.

Tems fortuné, marqué par la licence,
 Où la folie, agitant son grelot,
 D'un pied léger parcourt toute la France,
 Où nul mortel ne daigne être dévot,
 Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появленiе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманiе. Всѣ дамы желали видѣть у себя *le Negre du Czar*, и ловили его на-перехватъ. Регентъ приглашалъ его неразъ на свои

веселые вечера; онъ присуществовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостию Аруэша и старостию Шольё, разговорами Монпескьё и Фонпенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостию своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль, промѣнявъ эпоху разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту Петербургскаго Двора, не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу: молодой Африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцать лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за челоуѣка, котораго она не успѣла полюбить и котораго въ послѣдствіи о томъ не забопился. Молва приписывала ей любовниковъ; но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрѣкнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и спарался онъ дашь почувствоватьъ всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія; это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодаго Негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами — и это любопытство, хопя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, пворенія особеннаго, чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничтожествомъ благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной спраспи, избавила его отъ самонадѣянности и приязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелестъ обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ понравился графинѣ L., которой надоѣли важныя шупки и тонкіе намеки Французскаго оспроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ наружности молодаго Негра и даже спала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудренныхъ

париковъ ея госпоиной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ опть-роду; онъ былъ высокъ и спроенъ — и' не одна красавица заглядывалась на него съ чувспвомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость ея исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхождение съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и пѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣшь графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостию Неба. Графиня, прежде-нежели онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и претребованій прогаептъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ расчетовъ обольщенія. Въ присущствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль пер-

вѣй замѣшилъ эту взаимную склонность — и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ ободрительное замѣчаніе поспороннаго; любовь слѣпа и, не довѣря самой себѣ, шоропливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимую женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ-памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его спраспи, хотѣла прошивопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія: она сама ослабѣвала

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго слѣпа. Новая связь графини спала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень еспешивнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея спороны непроспительную неоспорожность. Въ первомъ упоеніи спраспи Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шулки мущинъ и колкія замѣчанія женщинъ спали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ

подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ неперпѣливо и не зналъ чѣмъ опразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она по со слезами жаловалась Ибрагиму, по горько упрескала его, по умоляла за нее не вступаться, чпобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запушало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неоспороженной любви. Графиня съ опчаяніемъ объявила о помъ Ибрагиму. Упѣшенія, совѣты, предложенія — все было испощено и все опвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ опчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини спало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали опъ ужаса; муцины бились объ-закладъ, кого родить графиня: бѣлаго ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались на счепъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини были ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и шѣ-

лесныя поспешенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужась возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія сненанья, шепотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый спонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ.... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка — и, не имѣя силы удержавъ своего восторга, бросился въ комнату графини.... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и просянула ему слабую руку.... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, отпацилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крышную корзину и вынесли изъ дому по попенной лѣспницѣ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ уѣхалъ, не

много успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена упѣшишься единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемениться, и что связь его рано или поздно могла дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, гибель графини была неизбежна. Ибрагимъ любилъ спрасно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минушу ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что спрэданія разлуки должны быть менѣе мучительны — и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили — и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить женщину, оболыщенную имъ. Графиня часъ-отъ-часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Слепни свѣша спали упихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть надосугъ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его опускствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволилъ Ибрагима не намѣренъ, что предоставляеть его доброй волѣ возвратиться въ

Россію, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо пронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участіе его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дѣлаете,» сказалъ ему герцогъ: «Россія не есть ваше опеченство; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую уже вы проливали кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.» Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. «Жалѣю» сказалъ ему регентъ; «но впрочемъ вы правы.» Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ-дорогу. Нананунъ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибра-

гимъ не имѣлъ духу ей опкрыпсья. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзываета его къ себѣ и шушила надъ его задумчивостію. Послѣ ужина всѣ развѣхались. Оспались въ госпиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастнѣй опдалъ бы все на свѣпть, чптобы полько оспалсья съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у камина такъ спокойно, чпто нельзя было надѣяпсья выжить его изъ комнапы. Всѣ прое молчали. «Bonne nuit,» сказала наконецъ графиня. Сердце Ибрагима спѣснилось и вдругъ почувспвовало всѣ ужа-сы разлуки. Онъ споялъ неподвижно. «Bonne nuit, messieurs,» повторила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его попомнѣли, голова закружилась: онъ едва могъ выйпн изъ комнапы. Прѣхавъ домой, онъ почпи въ безпамяспствѣ написалъ слѣдующее письмо.

«Я ѣду, милая Леонора; оспавляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, попому-чпто не имѣю силъ иначе съ побою объяснипсья.

«Счастіе мое не могло продолжашься: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбипь; очарованіе должно было исчезнуть. Эпа мысль меня всегда преслѣ-

довала, даже въ тѣ минушы, когда, казалось, забывалъ я все; когда у пвоихъ ногъ упивался я пвоимъ спраспнымъ самоопверженіемъ, пвоею неограниченною нѣжноспію Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила бы тебя, смирила бы пвою пламенную душу — и ты, наконецъ, успыдилась бы своей спраспи Что было бѣ тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставишь тебя прежде ужасной эпои минушы

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ успремлены. Вспомни все, что ты вытерпѣла — всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ силишься соединишь судьбу споль нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдспвенной судьбою Негра, жалкаго пворенія, едва удоспоиваемаго названія человѣка?»

«Проспи, Леонора; проспи, милый, единспвенный другъ. Оставляя тебя, оставляю первыя и

послѣднiя радости моей жизни. Не имѣю ни опечеснва, ни ближнихъ; ѣду въ Россiю, гдѣ мнѣ опрадою будетъ мое совершенное уединенiе. Спрогiя занятiя, копорымъ опнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекашь мучительныя воспоминанiя о дняхъ воспорговъ и блаженства.... Проспи, Леонора! Опрываюсь опъ этого письма, какъ будто изъ пвоихъ объапий. Проспи! будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ Негрѣ, о пвоемъ вѣрномъ Ибрагимѣ.»

Въ ту же ночь онъ опсправился въ Россiю.

Путешеснвiе не показалось ему споль ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображенiе его воспоржеснвовало надъ суцеснвенноснпю. Чѣмъ болѣе удалялся онъ опъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе предспавлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувспвительнымъ образомъ очутился онъ на Русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смопря на дурную дорогу, везли его съ быспропою вѣпра — и въ 17 дней своего путешествiя прибылъ онъ упромъ въ Красное Село, черезъ копорое шла погоданняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Пешербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною прубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вспавая съ лавки: «здорово, крестникъ!» Ибрагимъ узналъ Петра, въ-радости къ нему бросился, но почтительно оспановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ прдудвѣдомленъ о швоемъ прїѣздѣ,» сказалъ Петръ — «и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. «Вели же,» продолжалъ Государь, «швою повозку вези за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали Государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они прїѣхали въ Пешербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнаженные плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ

не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, неукрашенной еще граничною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, ш. е. Царицына Сада. На крыльцѣ встрѣпила Петра женщина лѣтъ 55-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Капенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по-прежнему.» Екатерина успремила на него черные, пронцапельные глаза и благосклонно пропянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, спройныя, свѣжія какъ розы, спояли за нею и почпишельно приблизились къ Петру. «Лиза,» сказалъ онъ одной изъ нихъ, «помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вошь онъ; представляю тебѣ его.» Великая Княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи Государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хопя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ опличался

*

умомъ почнымъ и наблюдапельнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его опвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкопорья черны Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселоспью, что никпо въ ласковомъ и геспепрімномъ хозяйствѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по Русскому обыкновенію, пошелъ опдохнуть. Ибрагимъ оспался съ Императрицей и Великими Княжнами. Онъ спарался удомешворишь ихъ любопытспву, описывалъ образъ Парижской жизни, шамощніе праздники и своенравныя моды. Между-шѣмъ нѣкопорья изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворець. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, кошорый, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крушаго совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ Русскимъ Фауспомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего поварища — и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. «Посмо-

примъ,» сказалъ онъ Ибрагиму, «не позабыль ли ты своей спарой должноти. Возьми-ка аспидную доску, да спупай за мною.» Петръ заперся въ шокарнѣ и занялся государспвенными дѣлами. Онъ поочереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераль-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивитъ-ся быспрому и швердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣяшельности. По окончаніи прудовъ Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справитъ-ся, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Попомъ, выходя изъ шокарни, сказалъ Ибрагиму: «ужь поздно; ты, я чай, успалъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ-спарину; завпра я тебя разбужу.»

Ибрагимъ, оспавшись наединѣ, едва могъ опомнитъ-ся. Онъ находился въ Пепербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человекъ, близъ копораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единспвенной его мыслию. Онъ увидѣлъ; что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣяшельность и поспоянныя занятія могутъ оживитъ его душу,

упомленную спрасями, праздностію и шайнымъ уныніемъ. Мысль — быль сподвижникомъ великаго челоуѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа — возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честнолюбія. Въ семъ расположеніи духа онъ легъ въ пригошовленную для него походную постель — и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТІЯ:

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по-своему спараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ осведомился о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ объѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяць.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣяшительные — слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день-отъ-дня болѣе привязывался къ Государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовавъ

за мыслями великаго челоуѣка еспѣ наука самая занимапельная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бушурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важныя запросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ его съ Теофаномъ, Гавриломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія предспавлялась Ибрагиму огромной масперскою, гдѣ движущіяся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиалъ и себя обязаннымъ прудиться у собственнаго спанка, и спарался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣ было ему удалиться отъ себя другое, милое воспоминаніе: часпо думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея.... Но иногда мысль ужасная спѣсняла его грудь: разсѣяніе большаго свѣща, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался; ревность начинала бурлиться въ Африканской его крови — и горячія слезы голповы были печь по его черному лицу.

Однажды упромъ сидѣль онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣщаніе на Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живою оборотился — и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижъ въ вихрѣ большаго свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями. «Я сейчасъ только прѣхалъ,» сказалъ К., «и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши Парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалуются о своемъ опущеніи. Графиня Л. велѣла звать тебя непременно, и вотъ тебѣ опъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ его съ препомомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрять своимъ глазамъ. «Какъ я радъ,» продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ эпомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаютъ? кто твой поршней? заведена ли у васъ хошь опера?» Ибрагимъ въ разстѣніи отвѣчалъ, что вѣроятно Государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. «Вижу,» сказалъ онъ, «что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся досыта; яду представляться Государю.» Съ эшимъ словомъ онъ перевернулся на одной ногѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ припворспвѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь,» писала она, «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! если бѣ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня sospoянію, въ которое привела меня нечаянная вѣспь о своемъ отъѣздѣ? Ты боляся, чтобы я тебя не удержала; будь увѣренъ, что, не смѣтруя на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что почишаешь ты своимъ долгомъ.» Графиня заключила письмо спраспными увѣреніями въ любви и заклінала его хоть изрѣдка ей писатъ, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ воспоргомъ цѣлуя безцѣнные спроки. Онъ горѣлъ неперпвнѣмъ услышатъ что-нибудь о графинѣ, и собрался вхатъ въ адмиралпейство, надѣясь тамъ заспатъ еще К.; но дверь отворилась, и самъ К. явился опять. Онъ уже предспавлялся Государю — и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. «Entre nous,» сказалъ онъ Ибрагиму, «Государь преспранный человекъ; вообрази, что я заспалъ

его въ какой-то холстинной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкался съ моими депешами. Я споялъ на вервочной лѣспницѣ и не имѣлъ довольно мѣспа, чпобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего опть-роду со мною не случалось. Однако жъ Государь, прочитавъ бумаги, посмошрѣлъ на меня съ головы до ногъ, и вѣрояпно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ онъ улыбнолся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Пепербургѣ совершенно чужеспранецъ; во время шеспильтяго описуспія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйспа будь моимъ меншоромъ, заѣзжай за мной и предспа въ меня. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратишь разговоръ къ предмету, болѣе для него занимашельному. «Ну, чпо графиня Л.» «Графиня? Она, разумѣтса, сначала очень была огорчена пвоимъ оптьѣздомъ; попомъ, разумѣтса, мало по малу упѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Чпо же пы выпаращилъ свои арапскіе бѣлки? или эшо кажешся тебѣ спраннымъ? Развѣ пы не знаешь, чпо долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Поду-

май объ эпомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ-дороги; не забудь же за мною заѣхать.»

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? опчаянье? нѣтъ; но глубокое, спѣшенное участіе. Онъ повпорялъ себѣ: эпо должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и Государь строго пребоавъ присупствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвѣчалъ попъ: «ужъ половина шестяго, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ». К. засушился, спалъ звониль изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ спалъ поспѣшно одѣвашься. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархашные шпаны, розовый кафпанъ, шипый блеспками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунулъ въ него спириженую

голову, пошребовалъ шпагу и перчатки, разъдесять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы — и они побѣжали въ Зимній дворецъ.

К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ панцовщикомъ? какой панѣць нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между-тѣмъ они подѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, спарыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ спояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажы, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ — свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, Царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери насшежь, и они вошли въ залу. К. осполбенѣлъ. . . . Въ большой комнатѣ, освѣщенной салными свѣчами, кошорья пускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми леншами черезъ плечо, посланники,

иноспранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные маспера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались назадъ и впередъ при непрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около сѣннъ; молодыя убраны были всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвыщалась, какъ спебель, ихъ узкая шляпя; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело поверпывались направо и налево, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя спарались хитро сочешашъ новый образъ одежды съ гонимой спариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Напальи Кириловны, а робронды и манпильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присушествовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шкиперовъ, копорья, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофпочкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и спаканами на поднось. К. не могъ опомнишься. «Que diable est ce que tout celà?» спрашивалъ К. вполголоса у Ибра-

гима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами госпей, привѣпливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнапѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ шуда пробраться сквозь безпрепятственно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иноспранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, спаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь шакъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего прошивника, что не замѣпилъ К., какъ онъ около ихъ ни верпѣлся. Въ это время полспый господинъ, съ полспымъ букетомъ на груди, суепливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и пошчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множеспво госпей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры спояли въ два

ряда другъ пропивъ друга, кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо пропивъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе зашѣливое препровожденіе времени, паразилъ глаза и кусалъ себя губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекрапшились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэшь. К. обрадовался и приготовился блѣснуть. Между молодыми госпьями одна въ особенності ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлепѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, опшелъ на средину залы и важно сказалъ: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не опдавъ ей при должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому

ее выбрапъ, тогда-какъ въ менуэшахъ право сіе подобаешъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь пы быпъ весьма наказанъ — именно: долженъ выпипъ *кубокъ большаго орла.*» К. часть-опъ-часу болѣе дивился. Въ одну минупу госпи его окружили, шумно пребуя немедленнаго исполненія закона. ПЕТРЪ, услыша хохопъ и крики, вышелъ изъ другой комнапы, будучи большой охопникъ лично присупспвовашъ при шаковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ полпа раздвинулась, и онъ вспупилъ въ кругъ, гдѣ споялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ щцешно уговаривалъ пресупника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ ПЕТРЪ, увидя К., «попался, брапъ. Изволь же, мосьё, пипъ и не морщипься.» Дѣлашъ было нечего: бѣднѣй щцеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и опдалъ его маршалу. «Послушай, К.,» сказалъ ему ПЕТРЪ: «шпаны-то на шебъ бархашные, какихъ и я не ношу, а я шебя гораздо богаче. Эпо мошовспво; смопри, чпобъ я съ шобой не побранился.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хопшлъ выйши изъ кругу, но запашался и чупъ не упалъ къ неописанному удовольспвію Государя. и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не шолько не повредилъ единспву и занимашельно-

спя главнаго дѣйсвія, но еще оживилъ его. Кавалеры спали шаркапъ и кланяпья, а дамы присѣдапъ и постукивапъ каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвоватъ въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аванасьевича Рагузинскаго, подошла къ Ибрагиму и, пошупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ пропанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто, попомъ, опыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карешу и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепешалъ: «проклятая ассамблея!... прокляпый кубокъ большаго орла!...» Но вскоръ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ прѣвхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головою болью, смупно помня шарканья, присѣданія, шабачный дымъ, господина съ букешомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро вли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго чипашеля познакомить съ Гаврилою Аванасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна — словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ по его выраженію, не терпѣлъ Нѣмецкаго духу и спарался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, п. е., окружена

*

мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золопомъ и не знала грамопы; опецъ ея, не смопря на опвращеніе свое опъ всего заморскаго, не могъ пропивишься ся желанію учишься пляскамъ Нѣмецкимъ у плѣннаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесять опъ-роду; правая нога была у него проспѣлена подъ Нарвою, и попому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ; за лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя шрудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Напалья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было опчаспи причиною проспуска К.; копорый на другой день пріѣзжалъ извиняясь передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодаго франша не понравились гордому барину, копорый прозвалъ его оспроумно — Французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными опъ зашворническа домашняго указами Государя и собспвеннымъ его примѣ-

ромъ. Напалья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ-спарину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяйна, сѣлъ песць его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая спаршинство рода и пѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной споронѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ спаринномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, приццатиѣтпная малюшкѣ, чопорная и сморщенная, и пѣтпный панцмейсперь въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суепливой и многочисленной челядью, посреди которой отличался дворецкій спрогимъ взоромъ, подспымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первыя минушы обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ спаринной нашей кухни; звонъ шарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяйинъ, видя, что время занялъ гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ же Екимовна? позвапъ ее сю-

да!» Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя спороны, но въ ту же минушу спарая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранныя цвѣпами и мишурою, въ шпощномъ роброндѣ, съ ошкрышой шей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравспуй, Екимовна,» сказалъ князь Лыковъ; «каково поживаешь?»

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшущи, женишковъ поджидаючи.

«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ госпей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всѣму міру, по Нѣмецкому маниру.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура спала на свое мѣспо, за спуломъ хозяина.

«А дура-то врешъ, врешъ, да и правду соврешъ,» сказала Татьяна Аванасьевна, спаршая

сестра хозяйина, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно нынѣшніе наряды на-смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, бапюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафшанъ, такъ про женское пряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Въдѣ посмопрѣшь на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою; живошникъ переплянутъ такъ, что еде не перервется; исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ — нагибаются; ни спашь, ни съспь, ни духъ перевеснь — суція мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, мапюшка Татьяна Аванасьевна!» сказалъ Кирила Пепровичъ Т., бывший въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ; «помнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся, хопь кушафѣей, хопь болдыханомъ — только бѣ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя плашья, а прежнія бросала новѣшенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшнія робронды — поглядишь: сегодня на барынь, а завтра на холопкѣ. Что дѣлаешь? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только!» При

сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмопрълъ на свою Марью Ильинишну; копорой, казалось, во все не нравились ни похвалы спаринъ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почивалась тогда необходимой принадлежноспію молодой женщины.

— А кто виноватъ? — сказалъ Гаврила Аванасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей — не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ попакаемъ.

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Пепровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ перемъ, а ее съ барабаннымъ боемъ пребуютъ на ассамблею; мужъ за плешку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинишна сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея шакъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и, обращаясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою: что находипъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

«А то въ нихъ дурно,» отвѣчалъ разгорячен-

ный супругъ, «что съ шѣхъ поръ, какъ онѣ завѣлись, мужья не сладяптъ съ женами; жены позабыли слово. Аспоспольское: *жена да боится своего мужа*; хлопочуптъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянувшись офицерамъ - верпопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынь или боярышнь находитья вмѣстѣ съ Нѣмцами-пабачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло: до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родспвенниками, а по съ чужими, съ незнакомыми!»

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аванасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по-нраву: много и гляди, что на пьянаго наположнешься, а въ и самого на-смѣхъ пьянымъ напойтъ. Того и гляди, что побъ какой нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а нынѣче такъ молодежь избаловалась, что ни на что не похоже. Вопъ, напри-мѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К.... на прошедшей ассамблеѣ падѣлалъ такого шуму съ Нашашей, что привелъ меня къ краску. На другой день, гляжу, кашиптъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ — ужъ

не князя ли Александра Даниловича? Не шутъ-по было: Ивана Евграфовича! Небось не могъ оспановишься у ворошъ, да поспрудиться пѣшкомъ до крыльца — куда! влепѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморилась его передразниваетъ; кспати: предспавъ, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будпо шляпу, и начала кривляться, шаркать и кланяться во весь спороны, приговаривая: «мусе . . . мамзель ассамблея пардонъ.» Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе госпей.

— Ни дашь, ни взяшь К, сказалъ спарый князь Лыковъ, опирая слезы опѣ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу воспановилось. А что грѣха шамь? Не онъ первый, не онъ послѣдній ворошился изъ Нѣмецчины на свящую Русь скоморохомъ. Чему шамь научаюцца наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ въспѣ на какомъ нарѣчій, не почипать спаршихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи!) Царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

«Ахши-башюшки, князь,» сказала Ташьяна Аванасьева, «видѣла, видѣла его близехонько: какая жъ у него спрашная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно, замѣшилъ Гаврила Аванасьевичъ, человекъ онъ спешенный и порядочный, не чета въпрогону.... Это кпо еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы чпо зѣваете, скопы? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ — бѣгите опказашь ему; да чтобъ и впредь....

«Спарая борода, не бредишь ли?» прервала дура Екимовна: «Али ты слышь: сани-по Государевы; Царь прѣѣхалъ.»

Гаврила Аванасьевичъ вспалъ поспѣшно изъ-за спола; всѣ бросились къ окнамъ — и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на-встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перептрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все упихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хо-

зяина, опорогълаго опъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Напалья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ-опъ-часу хорошеешь,» сказалъ ей Государь и, по своему обыкновению, поцѣловалъ ее въ голову; попомъ, обращаясь къ гостямъ: «что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аванасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него поднось, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, копорья не смѣли оспаваться за споломъ, удостоеннымъ Царскимъ присупсвиемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными коспяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минупу предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и го-

ворливостію, продолжался въ пишинѣ и при-
нужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости,
ничего не ѣлъ; госпи также чинились и съ бла-
гоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-Нѣмецки
разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ
1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ во-
прошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то
робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ)
вовсе не доказывало природной ея глупости. На-
конецъ обѣдъ кончился. Государь вспалъ, за нимъ
и всѣ госпи. «Гаврила Аванасьевичъ!» сказалъ
онъ хозяину: «мнѣ нужно съ побою поговорить
на-единѣ» — и, взявъ его подъ руку, увелъ въ
госпину и заперъ за собою дверь. Госпи оста-
лись въ столовой, шопшомъ толкуя объ эпомъ
неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь бытъ не-
скромными, вскорѣ разѣхались одинъ за дру-
гимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-
соль.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы опвѣщивовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Тапьяны Аванасьевны и Напаша, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его шулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвращаясь въ столовую, Гаврила Аванасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, опослалъ Напашу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тещѣ, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый

князь легъ на дубовую кровать; Ташьяна Аенасьевна сѣла на старинныя шпофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аенасевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ:

«Недаромъ Государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ извоилъ со мною бесѣдовать?»

— Какъ намъ знать, бапющя брапець! сказала Ташьяна Аенасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ Царь вѣдать какое-либо воеводство? сказалъ тешь: давно пора; али предложилъ бытъ въ опвѣпѣ? что же? вѣдь не однихъ дяковъ — и знапныхъ людей посылающъ къ чужимъ государямъ.

«Нѣтъ,» опвѣчалъ тешь, нахмурясь. «Я человекъ спараго покроя, а нынче служба наша ненужна, хопь, можешъ бытъ, православный Русскій дворянинъ сподипъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ. Но это спашья особая.»

— Такъ о чемъ же, брапець, сказала Ташья-

на Аванасьевна, извоилиъ онъ пакъ долго съ побою полковаць? Ужь не бѣда ли какая съ побою приключилась? Господь упаси и помилуй!

«Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было-призадумался.»

— Чшо же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

«Дѣло о Намашѣ: Царь прѣзжалъ ее свашаць.»

— Слава Богу! — сказала Ташьяна Аванасьевна, перекрестясь. Дѣвушка на-выданьи, а каковъ свашъ, паковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чесши много. За кого же Царь ее свашаетъ?

«Гмъ!» крякнулъ Гаврила Аванасевичъ: «за кого? шо-шо, за кого!»

— А за кого же? повпорилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

«Опгадайте,» сказалъ Гаврила Аванасевичъ.

— Башюшка братецъ, опвѣчала спарушка, какъ намъ угадашь? Мало ли жениховъ при дво-

рѣ: всякій радъ взять за себя пвою Нашашу.
Долгорукій чпѡ ли?

«Нѣпъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеннъ?
Троекуровъ?

«Нѣпъ, ни шопъ, ни другой.»

— Да и мнѣ они не по-сердцу: вѣпрогоны,
слишкомъ понабрались Нѣмецкаго духу. Ну, пакъ
Милославскій?

«Нѣпъ, не онъ.»

— И Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Чшо
же? Елецкій? Львовъ? Неужъ-то Рагузин-
скій? Воля пвоя: ума не приложу. Да за ко-
го же Царь свапаетъ Нашашу?

«За арапа Ибрагима.»

Спарушка ахнула и всплеснула руками. Князь
Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ
изумленіемъ повпорилъ: за арапа Ибрагима?

— Бапюшка-братецъ! сказала спарушка сле-

зливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Напашеньки въ когти черному діаволу.

« Но какъ же, » возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, « опкажашь Государю, копорый за по обѣщаешъ намъ свою милоспъ, мнѣ и всѣму нашему роду? »

— Какъ! воскликнулъ спарый князь, у копораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Напашу, внучку мою, выдашь за купленнаго арапа?

« Онъ роду непроспаго, » сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: « онъ сынъ арапскаго султана. Басурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Царградъ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Спаршій брапъ арапа прѣвжалъ въ Россію съ знапнымъ выкупомъ и..... »

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича, да Еруслана Лазаревича!

— Бапюшка Гаврила Аѳанасьевичъ! перервала спарушка: расскажи-пко намъ лучше, какъ опвѣчалъ Государю на его свапанье.

« Я сказалъ, что власпъ его съ нами, а наше холопье дѣло повиновашья ему во всемъ. »

Въ эту минушу раздася за дверью шумъ. Гаврила Аеанасьевичъ пошелъ опворипшь ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ, дверь опворилась, и увидѣли Нашашу въ обморокъ, проспершую на окрoвавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда Государь заперся съ ея опцомъ; какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аеанасьевичъ опослалъ ес, объявивъ, что долженъ говорить ея шепкѣ и дѣду, она не могла прошивипшься влеченію женскаго любопытства, пихо черезъ внушренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія опцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падая, ударилась головою о кованный сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Нашашу подняли, понесли въ ея свѣшлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, опкрыла глаза, но не узнала ни опца, ни шепки. Сильный жаръ обнаружился; она пвердила въ бреду о Царскомъ арапѣ, о свадьбѣ, и вдругъ закричала жа-

*

лобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: «Валеріанъ, милый Валеріанъ, жизнь моя! спаси меня: вошь они, вопль они!...» Татьяна Аванасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, копорый поблѣднѣлъ, закусилъ губы и молча вышелъ изъ свѣщницы. Онъ возвратился къ старому князю, копорый, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу. Что Напаша? спросилъ онъ. «Худо,» отвѣчалъ огорченный отецъ: «хуже, нежели я думалъ: она въ безумяшесствѣ бредитъ Валеріаномъ.»

— Кто это Валеріанъ? спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тошъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

«Онъ самъ, на бѣду мою!» отвѣчалъ Гаврила Аванасевичъ. «Отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Напаша, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ споялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Напаша о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ,

она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдеть за арапа.»

Князь Лыковъ не проповорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аванасьевна осталась у Напашиной постели; Гаврила Аванасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все спало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѣрѣ столько же, какъ и Гаврилу Аванасьевича. Вопрь какъ это случилось. Петръ, занимался дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: «я замѣчаю, брагъ, что ты приунылъ; говори прямо: чего тебѣ не доспаетъ?» Ибрагимъ увѣрялъ Государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро,» сказалъ Государь, «если ты скучаешь безо всякой причины, шакъ я знаю, чѣмъ тебя развеселишь.»

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима: «нравилась ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты шанцовалъ минаветъ на прошедшей ассамблеѣ?» — Она, Государь, очень мила, и, кажется, дѣвушка скромная и добрая. — «Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли

ты на ней женишься?» — Я, Государь?.... «Послушай, Ибрагимъ: ты человекъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра чѣмъ съ побою будешь, бѣдной мой арапъ? Надобно тебѣ приспособиться, пока есть еще время, найди опору въ новыхъ связяхъ, вступишь въ союзъ съ Русскимъ боярствомъ.» — Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями Вашего Величества. Дай Богъ мнѣ не переживу моего Царя и благодѣтеля: болѣе ничего не желаю. Но если бъ и имѣлъ въ виду женишься, согласишься ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность..... «Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотришь, чѣмъ скажетъ старый Гаврила Рагузинскій, когда я самъ буду твоимъ свапомъ?»

При сихъ словахъ Государь велѣлъ подавати сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Женишься?» думалъ Африканецъ: «зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночество и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человека, потому только, что я родился подъ знойнымъ

градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться бытъ любимымъ: дѣпское возраженіе! Развѣ можно вѣришь любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ инья обольщенія, болѣе успешвенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Рагузинскою присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я переспану бытъ пришеельцемъ въ новомъ моемъ опечеспвѣ. Отъ жены я не спану шребовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу пріобрѣту поспоаянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хопѣлъ занять дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся, и увидѣлъ Государя, котораго, опустивъ сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, брапъ, кончено!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему шестню, но смотри, пошѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воропъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знапностіи—

и онъ будешь опъ шебя безъ памяпи. Теперь,» продолжалъ онъ пошряхивая дубинкою, «заведи меня къ плушу-Данилычу, съ копорымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно опблагодаривъ Петра за его опеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возврапился домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо шеплилась лампада передъ спекляннѣмъ кивомомъ, въ коемъ блиспали золотыя и серебряныя оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и сподикъ, уставленный сплянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ пишину свѣплицы.

«Кшо здѣсь?» произнесъ слабый голосъ. Служанка вспала пошчасъ, подошла къ кровати и пихо приподняла пологъ. «Скоро ли разсвѣшеть?» спросила Нашалья.—Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ Боже мой, ошъ чего же такъ темно?»—Окна закрыты, барышня.—«Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.»—Нельзя, барышня: дохпуръ не приказалъ.—Развѣ я больна? давно

ли?» — Вопшь уже двѣ недѣли. — «Неужь-шо? а мнѣ казалось, будпо я вчера шолько легла...»

Напаша умолкла; она спаралась собрать разсѣянные мысли: чпо-шо съ нею случилось, но чпò именно — не могла вспомнишь. Служанка все спояла передь нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ. «Чпо такое?» спросила больная.—Господа опкушали, опвѣчала служанка: вспаюшь изъ-за спола. Сей-часъ придетъ сюда Ташьяна Аванасьевна. — Напаша, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опяшь за самопрялку.

Чрезъ нѣсколько минушь изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ шемными лентами и спросила въ полголоса: чпò Напаша? «Здравспвуй, пѣпенька» сказала пихо больная; и Ташьяна Аванасьевна къ ней поспѣшила. Барышня въ памяти, сказала служанка, оспорожно придвигая кресла. Спарушка со слезами поцѣловала блѣдное, шомное лице племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею Нѣмецъ-лекаръ, въ черномъ кафшанѣ и въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Напашы пульсъ и объ-явилъ по-Лашынѣ, а потомъ и по-Русски, чпо опасность миновалась. Онъ пошребовалъ бумаги

и чернильницы, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ, а спарушка вспала и, снова поцѣловавъ Напалью, потчасъ отправилась съ доброю вѣстію внизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу.

Въ госпиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ Царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ. К., распянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Тапьяну Аѳанасьевну, копорая изъ-за двери дѣлала брашу незамѣчаемые знаки. «Вась зовушь, Гаврила Аѳанасьевичъ» сказалъ К., оборотясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гаврила Аѳанасьевичъ потчасъ пошелъ къ сестрѣ и припворилъ за собою дверь.

«Дивлюсь твоему терпѣнію» сказалъ К. Ибрагиму. «Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія! На твоемъ мѣстѣ j'aurois planté là спараго враля и весь его родъ, включая шущъ же и Напалью Гавриловну, копорая жеманился, припворяется больной — *une petite santé*. Скажи

но совѣспи: ужели шы влюбленъ въ эту маленькую тііаугсе?» — Нышь, опвѣчалъ Ибрагимъ: я женюсь конечно не по спраспи, но по соображенію, и шо, если она не имѣеть опъ меня рѣшипельнаго опвращенія. — «Послушай, Ибрагимъ,» сказалъ К.: «послѣдуй хошь разъ моему совѣшу; право, я благоразумѣе, нежели кажусь. Брось эту блажную мысль — не женись. Мнѣ сдается, что швоя невѣспа никакого не имѣеть особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я конечно собою недурень, но случалось однакожь мнѣ обманывашь мужей, копорые были, ей Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ . . . помнишь нашего Парижскаго пріяшеля графа Д? Пельзя надѣяшья на женскую вѣрность; счастливь, кто смопришъ на это равнодушно. Но ты! . . . Съ швоимъ ли пыжкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ швоимъ ли сплющеннымъ носомъ, вздупыми губами, съ эпой ли шершавой головой бросашь ся во всѣ опасности женишьбы? . . .» — Благодарю за дружескій совѣшъ, прервалъ холодно Ибрагимъ. Но знаешь пословицу: не швоя печаль чужихъ дѣшей качашь . . . «Смопри, Ибрагимъ,» опвѣчалъ смѣясь К., чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывашь на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ спаковился горячъ. «Ты уморишь ее» говорила спарушка: «она не вынесетъ его виду.» Но посуди ты сама, возразилъ упрямый брапъ: вопъ уже двѣ недѣли ѣздилъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣсмы. Онъ наконецъ можетъ подуматъ, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы время продлить, чтобы какъ-нибудь опъ него опдѣлаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужъ и пакъ при раза присылалъ спросить о здоровѣ Напалы. Воля швая, а я ссорилъ съ нимъ не намѣренъ. «Господи Боже мой!» сказала Тапьяна: «что съ нею, бѣдною, будетъ! По крайней мѣрѣпусти меня пригосповить ее къ такому посѣщенію.» Гаврила Аванасьевичъ согласился и опять вошелъ въ госпиную.

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Напалъ гораздо лучше; если бѣ несовѣстно было оставитъ здѣсь одного дорогаго госпя Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ взглянуть на швою невѣсту. К. поздравилъ Гаврила Аванасьевича, просилъ не беспокоиться, увѣрялъ, что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между-тѣмъ Тапьяна Аванасьевна спѣшила приготоовить больную къ появленію спраннаго госпя. Вошедъ въ свѣщницу, она сѣла, задыхаясь, у постели, взяла Напашу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Напаша спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аванасьевичъ опдернулъ занавѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ, какова она? Больная хопѣла ему улыбушь-ея, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время показалось, что кто-то споялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову и вдругъ узнала Царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго попрясенія. Напаша снова опустила голову на подушку и закрыла глаза.... сердце въ ней билось болѣзненно. Тапьяна Аванасьевна подала брапу знакъ, что больная хочепъ уснуть, и всѣ вышли попихоньку изъ свѣщницы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрялку.

Несчастливая красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минушу круглая, спарая крошка какъ шарикъ

подкапшлась къ ея кровати. Ласпочка (пагъ прозывалась кормилица) во всю прыпъ корошенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аѳанасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверху по лѣспницѣ и припаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Напаша, увидя ея, выслала служанку, и кормилица съла у кровати на скамейку.

Никогда споль маленькое пѣло не заключало въ себѣ споль много душевной дѣяпельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хищрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, копорымъ управляла самовласно. Гаврила Аѳанасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аѳанасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Напаша имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣшняго своего сердца.

« Знаешь, Ласпочка » сказала она: « бапюшка выдаетъ меня за арапа. »

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

«Развѣ нѣтъ надежды?» продолжала Напаша: «развѣ бапюшка не сжалятся надо мною?»

Кормилица пряхнула чепчикомъ.

«Не заступятся ли за меня дѣдушка или пещушка?»

— Нѣтъ, барышня: арапъ во время пвоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ опть него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Ташьяна Аванасьевна говоритъ: жаль, что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой!»! простонала бѣдная Напаша.

— Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и бытъ тебѣ за арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ-спарину; мужья женъ не запираютъ; арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь пригѣваючи.

«Бѣдный Валеріанъ!» сказала Напаша, но пакъ тихо, что кормилица могла только угадать, а не слышатъ эти слова.

— То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиропѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а бапюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Напаша: «я бредила Валеріаномъ? бапюшка слышала? бапюшка гнѣвался?»

— То-то и бѣда, отвѣчала кормилица. Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ по тому причиною. Дѣлашь нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будешь, то будешь.

Напаша не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна опцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

—

Въ домъ Гаврилы Аванасьевича, изъ сѣней направо, находилась пѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней спояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью еловый столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, преугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибила была лубочная карпинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейпы раздавались въ этой смиренной обителѣ. Пѣнный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ копакъ и въ китайчапомъ шлафрокъ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные Шведскіе мар-

ши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражне-
ніе, Шведъ разобралъ свою флейшу, вложилъ ее
въ ящикъ и спалъ раздѣваясь.

.

ЛѢТОПИСЬ
СЕЛА ГОРОХИНА.

ЛѢТОПИСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и новѣйшаго письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала Н. Н., у котораго башюшка былъ некогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человекомъ. Я спрашивалъ о немъ у всѣхъ и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали

только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ пустою мифою, ожидавшею изысканій новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я спарался придать какой-нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ былъ походить на земскаго заседателя Корючкина, маленькаго спаричка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и опали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе шрехъ мѣсяцовъ; ибо насъ распустили передъ вспуленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню *

* Здѣсь въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ.

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранее прося извиненія у благосклоннаго чипапеля, если во зло упопроблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. — Прибывъ на спанцію, съ кошорой должно было мнѣ своропить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хопя я нрава опъ природы пихаго, но неперпѣніе увидѣшь вновь мѣспа, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминуптно погонялъ моего ямщика, по обѣщая ему на-водку, по угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ шолкашь его въ спину, нежели вынимашъ и развязывашъ кошелекъ, по, признаюсь, раза при и ударилъ его, что опъ-роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенноти любезно. Ямщикъ погонялъ свою пройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ; все-таки запрягивалъ вожжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минушь въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смопрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ не-

обыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, копорыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и спали теперь высокими, въпвиспыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный прѣмь правильными цвѣтниками, межъ копорыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ; теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя оспановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хопя спавни опкрышы и домъ казался обишаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ прѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ пронупъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица, и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои попѣшныя мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» И мнѣ опвѣчали съ чувспвомъ: «какъ вы-по, бапюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; навспрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ какъ многоспраднаго Одиссея. Побѣжали попить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи опроспив-

шій себѣ бороду, вызвался пригоповить мнѣ обѣдъ, или ужинъ — ибо уже смеркалось. Топчасть очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной мапушки. Такъ очутился я въ смиренной опеческой обипели, и заснуль въ шой самой комнатѣ, въ копорой за двадцать три года тому родился.

Около прехъ недѣль прошло для меня въ хлопопахъ всякаго рода: я возился съ засъдапелями, предводипелями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вопчиной. Я успокоился, но скоро скука бездѣйствія спала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ * *. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли щепомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотповъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково шакъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Новѣйшимъ Письмовникомъ*, въ копоромъ я зналъ, на какой страницѣ, какою найду спрочку. Настоящій же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состоя-

ни. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся-было за него, но Кургановъ поперялъ для меня прежнюю свою прелесть; я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробоватъ ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный чипапелъ знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдные деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо, что мысль, взявшись за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяясь попасъ когда-нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣпиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, которъ намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней справки-моей къ опечесивенной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человека, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галерею

4-го яруса. Всѣхъ акшеровъ узналъ по имени, и спрашно влюбился въ **, игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлалін, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Упромъ, возвращаясь изъ Главнаго Шшаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфекшную лавку, и за чашкой шеколаду чипалъ липературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ крипическую спашью *Благональтреннаго*; вдругъ нѣкпо, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки пихонько попянулъ листокъ Гамбургской газеты; я былъ шакъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифспексу и сѣлъ передо мною; я все чипалъ, не обращая на него вниманія; онъ между-шѣмъ позавпракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, вышилъ полбупылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей шущъ же завпракали. «Знаешь ли кпо это былъ?» сказалъ одинъ другому—«это В, сочинипель.»—Сочинипель! воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ недочипаннымъ и чашку недопишою, побѣжалъ расплачивашься, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотри во всѣ спороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель, и пуспился по Невскому проспекпу—шолько-что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувспвую

вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣпилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на пропущарѣ, но скорѣе остановиться и выпянуться. Послѣ сего выговора, я спалъ оспорожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ опъ меня впередъ. Опъ-роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, опъ-роду эпелеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. «Позвольте спросить,» сказала я, приспавя ко лбу руку, «вы г. В., коего прекрасныя спашьи имѣлъ я счастье чипать въ Соревнователь Провѣщенія?»—Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, а спряпчій; но В. мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣпилъ его у Полицейскаго мосту.—Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературы спонило мнѣ 50 копѣекъ поперянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста — и все даромъ!

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлалась писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи пропивиться влеченію при-

роды, я сшилъ себѣ толстую пепрадъ и рѣшилъ съ твердымъ намѣреніемъ наполнить ее чѣмъ бы по ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ опечесивенной исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ приобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая пепрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Прутненскіе пруды, опаснаго сосѣда* и ш. д. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на прешпемъ стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ не мой родъ и началъ прагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратишь ее въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я началъ и благополучно окончилъ: надписъ къ порп reshу Рюрика.

Не смотря на то, что надписъ моя была не вовсе недоспойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихошворца, однакожь я почувствовалъ, что не рожденъ поэшомъ, и довольствовался симъ первымъ опышомъ. Твор-

ческія мои попытки такъ привязали меня къ липерапурнымъ занятіямъ, что я уже не могъ распатъся съ шепрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ часпей и т. п., я вознамѣрился писать опдѣльные мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ спануть представлялись. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ, неповинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ спрашей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оспавя мысли, принялся я за повѣсти; но не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, вѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украситъ истину живоспію разказа, а иногда и цвѣтами собспвеннаго воображенія. Соспавляя сіи повѣсти, мало-по-малу образовалъ я свой слогъ и пріучился выражатъся пра-

вильно, пріятно и свободно. Но скоро запас мой испоцился, и я спалъ опять искапъ предмета для липературной моей дѣятельности.

Мысль оставивъ мелочные и сомнительные анекдоты, для повѣспованія испинныхъ и великихъ происшесвій давно превожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдапелемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностью? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не испощенъ уже ими? Спану ль писать исторію всемірную: но развѣ не сущесвуесть уже безсмертный прудъ аббапа Милопа? Обращусь ли къ исторіи опечеспвленной: что скажу я послѣ Тапищева, Щербашова, Голикова? И мнѣ ли рыпъся въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обвелпшалаго языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и шупъ сколько препяпспвій, для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзнаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимашельна ни для философа, ни для полишпика, и представляла мало пи-

щи краснорѣчію. Единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, испребившій базаръ и присуспенныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакъ, нашла спарую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я, сидя за моей шепрадью, грызъ перо и думалъ объ опытахъ сельскихъ проповѣдей, съ шоржешвомъ впащила корзинку въ мою комнашу, радостно восклицая: книги! книги! — «Книги!» повпорилъ я съ воспоргомъ и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе спарыхъ календарей. Сіе опкрытіе охладило мой воспоргъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полпиной серебра.

Оспавшись наединѣ, я спалъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они соспавляли непрерыв-

ную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 ш. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вклеваемые въ календари, были все исписаны спариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи справки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственныя счефы, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ записокъ, и вскоре нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей волости, въ печеніе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ спрогомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неисчислимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно; ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина — и вскоре ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкопорый, мнѣ по-

*

добный испорикъ, коего имени я не запомню, оконча свой прудный подвигъ, кладу перо и съ груспію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ испочниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей 55 часпей. Первые 20 часпей исписаны стариннымъ почеркомъ съ пиплами. Лѣтопись сія сочинена прадедомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она опшичается ясноспію и крапкостію слога, напримѣръ: 4-го Мая снѣгъ. Тришка за грубость бишь. 6-го—корова бурая пала. Сенька за пьянство бишь. 8-го—погода ясная. 9-го—дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство бишь..... и шому подобное безо всякихъ размышлений. 11-го—погода ясная, пороша; зашправилъ шрехъ зайцевъ. — Оспальныя 55 часпей писаны разными почерками, большею часпію пакъ называемымъ лавочничьимъ, съ пиплами и безъ пипловъ, вообще плодовиго, несвязно и безъ соблюденія право-

писанія; кой-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе опредѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горохинскаго дѣяча. Сія любопытная рукопись опыскана мною у моего попа, женапаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣшьями священника на пакѣ называемые змѣи. Одинъ изъ паковыхъ упалъ среди моего двора; я поднялъ его и хопѣлъ-было возвратишь дѣшьямъ, какъ замѣшилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй соспавленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью успѣлъ спасти оспальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за чепверпъ овса, опличаетъя глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенноти обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифионовой, мапери Авдѣя спароспы; бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями преж-

нихъ спароспть, касапельно нравспвенности и соспоянїя креспьянть.

5-го Октября.

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

Староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣспности. Темныя преданїя гласяпть, что нъкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жиптели онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ, и отсылами невѣдомо кому, на нъсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не сущеспвовало; спароспты никого не обижали; обипапелн работали мало, а жили припѣваючи, и паспухи сперегли спадо въ сапогахъ. Мы не должны обольцапсья сею очароватпльною карпиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываспть полько, что люди никогда не довольны настоящимъ, и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаюпть невозвратпмое минувшее всѣми цѣпшами своего воображенїя. Вопть что досповѣрно: сего Горolib.pushkinskijdom.ru

хино издревле принадлежало знаменишному роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими опчинами, не обращали вниманія на сію опдаленную спрану. Горохино плапило малую дань и управлялось спаршинами, избираемыми народомъ на вѣчь, мірскою сходкою называемой.

Въ печеніе времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богапаго дѣда не могли опвыкнупь опть роскошныхъ своихъ привычекъ и пребовали прежняго полнаго дохода опть имѣнія, въ десять крапъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Спароста чипалъ ихъ на вѣчь; спаршины вишійствовали; міръ волновался — а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя опговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаженной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная пуча висѣла надъ Горохинымъ — а никпо объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ власпвованія Трифона, послѣдняго спаросты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчій именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни

Архипа Лысаго — въѣхала въ село ямская крышная бричка, заложенная парюю клячь едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ карпузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смопрѣла на веселящійся народъ. Жители вспрѣщили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками (NB. Свернувъ пружкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... *Льтопись дячка*). Сколь изумились они, когда бричка оспановилась среди села и когда пріѣзжій, вышрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ попребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмопрѣлъ на него грозно, подавъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Староста былъ неграмотенъ. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ перулкѣ подъ заборомъ и привели къ знакомцу. Но, или опъ внезапнаго испуга, или опъ горестнаго предчувствія, буквы письма, чепко написаннаго, показались ему опуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ опославъ спать, опложилъ

чпеніе письма до завпрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ повесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное происшествіе, но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело — и Горохино заснуло, не предвидя, что ожидало его...

Съ восходомъ упреннаго солнца жиписли были пробуждены спухомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей въ-чевою площадью. Глаза ихъ были мушны и красны; лица опухлыя; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на человѣка въ карпузѣ, въ спаромъ голубомъ кафпанѣ, важно споявшаго на крыльцѣ приказной избы — и спарались припомнить себѣ черпы его, когда-по ими видѣнныя. Спароспа и земскій Авдѣй спояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобосспрастїя и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. — Всѣ ли-спа здѣсь? — повшорилъ спароспа. — Всѣ-спа, оплѣчали граждане, а спароспа объявилъ, что опъ барина получена грамопа и приказалъ земскому прочестъ ее во услышаніе міра.

Авдѣй выспунилъ и громогласно прочелъ слѣдующее (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старослѣпы; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ).

Трифонъ Ивановъ!

Вручипель письма сего, повѣренный мой * *, ѣдешь въ опчину мою село Горохино, для поспушенія въ управленіе онаго. Немедленно, по его прибытіи, собравъ мужиковъ и объявивъ имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣренного моего * * имъ мужикамъ слушаешься какъ моихъ собспвенныхъ, и все, чего онъ попребуешь, исполняешь безпрекословно; въ пропивномъ случаѣ имѣешь онъ * * поспупать съ ними со всевозможною спротосію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и швое, Трифонъ Ивановъ, плушовское пошворство.

Подписано: N. N.

Тогда * *, распопыря ноги на подобіе хѣра и подбоченясь на подобіе ферша, произнесъ слѣдующую крапскую и выразишельную рѣчь: «Смотрите жъ вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, народъ избалованный, да я, небось, вы-

бю дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и Горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

*Правленіе прикащика * * .*

* *, принявъ бразды правленія, попребовалъ опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей полипической системы — она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Въ слѣдствіе сего * * старался о смирности вопчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недомки были разложены на всѣхъ заживочныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2) Недоспапочные и празднелюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчепамъ, прудъ ихъ оказывался недоспапочнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ бапраки другимъ крестьянамъ, за

что сіи плащили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право опкупаться, заплащя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было порожествомъ корыслолюбивому правителью; ибо опть онаго по очереди опкупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мирскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, плащили и не слишкомъ болѣе прощиву прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточнаго денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ запускълъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребящипки пошли по миру — и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію льтописца, не днемъ радости и ликования, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимоеева въ желѣзы, а спарикъ Тимоесей сына опкупилъ за 100 руб. — а прикащикъ заковалъ Пе-

прушку Еремѣева, и шого опкупилъ отецъ за 68 руб., и хопѣль окаанный сковать Леху Тарасова, но шомъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о шомъ весьма крушился и свирѣпсповалъ во словахъ — а опвезли въ городъ и опдали въ рекрупы Ваньку пьяницу.

Времена историческія.

Спрана (Горохинымъ называемая по имени споллицы своей — число жипелей проспираепся до 65 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десяпинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Переуховымъ (когого обипапели бѣдны и малорослы, а владѣльцы преданы воинспвенному упражненію заячьей охопы); къ югу рѣка Сивка опдѣляетъ ее. опъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣспныхъ жеспокоспю нравовъ; къ западу облегаютъ его цвѣщуція поля Захарьинскія, благоденспвующія подъ власпю мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ необипаемымъ мѣшпамъ, къ пепроходимому болопу, гдѣ произраспаепъ одна клюква, гдѣ раздаепся лишь од-

нообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ бытъ обиталищу нѣкого бѣса.

НВ. Сіе болото называется *Бѣсовскиль*. Рассказываютъ, будто одна полу-умная паспушка сперегла спадо свиней не далече опть сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая; гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса — но сія сказка не достойна вниманія историка, и по словъ Нибура непростибельно было бы кому ей вѣришь.

Издравле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благораспореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роца и еловой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ на постройку и опопку жилищъ. Нѣтъ недоспапка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ представляють они пріятную, хопя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частью, росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины опличаются носами, подъяпыми нѣскольکو вверхъ, выпуклыми скулами и дородностию.

НВ. *Баба здоровенная.* Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старослы къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей папнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околдкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступяютъ имъ въ отважности; рѣдка изъ нихъ боится старослы. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго опвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляющіяся они на челнокахъ, подобно древнимъ Скандинавамъ, а прочее время года пе-

реходяпъ въ бродъ, предварительнo засучивъ нижнее плапше до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительнo опрасль Славянскаго, но столь же разнился опъ него, какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями — нѣкопорые звуки вовсе въ немъ уничпожены, или замѣнены другими. Однако жъ Русскимъ легко поняпъ Горохинца и обрапно.

Мужчины женяпся обыкновенно на 15 году, на дѣвицахъ 20 лѣпнихъ. Жены били своихъ мужей въ печеніе чепырехъ или пяпи лѣпъ. Пoслѣ чего мужья уже начинали битъ женъ; и пакимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смерпн покойника опносили на кладбище, дабы мерпвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣспа. Опъ сего случалось, что, къ неописанной радости родспвенниковъ, мерпвецъ чихалъ или зѣвалъ въ пу самую минушу, какъ его выносили въ гробъ за околицу. Жены оплакивали мужевъ, воя и приговаривая: «Свѣпъ, моя удалая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-шо мнѣ тебя по-

минаши?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась призна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два - три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ пижняго плащя, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимую носили они овчинные тулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ наспоющей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ шрудѣ, пребывающемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревлѣ находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человекъ прославился въ околдѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и п. п. Неоднократно поспрадавъ за свое искусство, услужливостъ

и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ чиншпель увидишь послѣ) важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, улаживая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Днынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярекому двору
 Акимъ староста идетъ,
 Бирки въ пазухъ несетъ,
 Боярину подаетъ;
 А бояринъ смотритъ,
 Ничего не смыслитъ.
 Ахъ, ты, староста Акимъ!
 Обокралъ бояръ кругомъ,
 Село по міру пустилъ,
 Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступяшь они эклогамъ извѣснаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходяшь они идилліи г. Сумарокова; и хопя въ щеголеватости и уступають новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но, равняющя съ ними запѣвливостию и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подѣ властію спаршинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подѣ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образцовъ правленія будучь развиты мною въ печеніе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію.

ДУБРОВСКІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный Русскій баринъ Кирила Пепровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ зашьямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣды рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники прелепали при его имени. Кирила Пепровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія какъ надмежающую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшишь его барскую праздность, раздѣляя его шумныя, а иногда и буйныя увеселенія. Никто не дерзалъ оппказываться оппъ его приглашеній, или

въ извѣстные дни не являясь съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Пегуровичъ былъ великій хлѣбосолъ, и не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю спрадалъ оупъ обжорства, и каждый вечеръ былъ навеселъ.

Всегдашнія занятія Покровскаго помѣщика состояли въ развѣздахъ около проспранныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно припомъ изобрѣшаемыхъ, жершвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новой знакомецъ, хопя и спаринные пріятели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Сей Дубровскій, опспавной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его бѣдность. Нькогда были они поваріицами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту неперпѣливостъ и рѣшительностъ его характера. Обстоятельствва разлучили ихъ надолго: Троекуровъ пошелъ въ гору; Дубровскій, съ распроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйпи въ опспавку и поселился въ опспальной своей дерев-

нѣ. Кирила Пепровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство, но Дубровскій благодарилъ его и оспался бѣденъ и независимъ. Спусти нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, описавной генераль-аншефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ-поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Пепровичъ, опъ-роду неудостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко спараго своего поварища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходствовали опчаси въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ оспавалось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Пепербургѣ, дочь Кирилы Пепровича росла въ глазахъ родителя, и Троекуровъ часпо говаривалъ Дубровскому: Слушай, братъ Андрей Гаврилычъ, когда въ швоемъ Володькѣ будетъ пушь, шакъ опдамъ за него Машу — даромъ-чшо онъ голъ какъ соколъ. Андрей Гавриловичъ качалъ головою и опшѣчалъ обыкновенно: нѣтъ, Кирила Пепровичъ, мой Володька не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворяничку, каковъ онъ, лучше женишься на бѣдной дворяночкѣ, да бышь главою въ домѣ, нежели

сдѣлапья прикащикомъ избалованной бабѣнки. Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые было пыпались ему подражать и выйши изъ должнаго повиновенія, но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбилъ охоту къ такимъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ вѣрнъ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отпѣзжее поле. Наканунъ отданъ былъ приказъ псарямъ и спременнымъ бытъ гошовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня опсправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и госпи пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пяти сотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тушь же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лекаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки оцелялись и кор-

мили своихъ щеняшъ. Кирила Пешровичъ гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвасташъ онымъ предъ своими госпиями, изъ коихъ каждый осмапривалъ его по-крайней-мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарьнѣ, окруженный своими госпиями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, оспанавливался предъ нѣкоторыми конурами, по разспрашивая о здоровьи больныхъ, по дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе спростія и справедливыя, по подзывая къ себѣ знамыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривалъ. Госпи почитали обязанностію восхищашъся псарнею Кирила Пешровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держашъ только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ не могъ удержашъся опъ зависти при видѣ сего великолѣпнаго заведенія. Что же ты нахмурился, брашъ, спросилъ его Кирила Пешровичъ; или псарня моя тебѣ не нравилась? — Нѣшъ, отвѣчалъ Дубровскій сурово, псарня чудная; врядъ ли людямъ ващимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ. — Одинъ изъ псарей обидѣлся. Мы на свое житье, сказалъ онъ, благодаря Бога и барина, не жалуется; а что правда, по правда, иному и барину не худо бы промѣняшъ усадь-

бу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сыпнѣе и пельтѣ. Кирила Пепровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а госпи въ-слѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутки псаря могли опноситься и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Пепровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ упоить. Между-тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ госпиями и псарями домой, Кирила Пепровичъ сълъ ужинавъ, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди опвѣчами, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ пошчасъ велѣлъ его догнать и ворошить непременно. Опъ-роду не выгзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опышнаго и понкаго цѣнишеля псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшишеля всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, ворошился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-дескать Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ ворошиться. Кирила Пепровичъ, по обыкновенію своему, разгоря-

ченнѣй наливкою, осердился и въпорочно послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ поспѣетъ же не прѣдѣтъ ночевать въ Покровское, то онъ Троекуровъ разсоришь съ нимъ навѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Пепровичъ вспалъ изъ-за сполы, оппустилъ госпошей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: здѣсь ли Андрей Гавриловичъ? Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Пепровичъ приказалъ своему писарю чипать его въ слухъ и услышалъ слѣдующее:

Государь мой примилосердый!

Я до-пѣхъ-порѣ не намѣренъ прѣхавъ въ Покровское, пока не выплеще вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будещъ моя воля наказавъ его или помиловать; а я терпѣшь шушокъ опѣ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и опѣ васъ ихъ не сперплю, попомучу-что я не шушь, а спаринный дворянинъ. За симъ оспаюсь покорный ко услугамъ

Андрей Дубровский.

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было бы весьма неприличнымъ, но

оно разсердило Кирила Пепровича не страннымъ слогомъ, а только своею сущностію.—Какъ! закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ поспели босой, высылашь моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ въ самомъ дѣлѣ запѣялъ? да знаешь ли онъ, съ кѣмъ связывается? вопъ я жъ его! заплачешся онъ у меня! узнаешь каково иппи на Троекурова.

Кирила Пепровичъ одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенною своею пышностію. Но охота не удалась; во весь день видѣли только одного зайца и того проправили; обѣдъ въ полѣ подъ палашкой также не удался, или по-крайней-мѣрѣ былъ не по вкусу Кирила Пепровича, который прибилъ повара, разбранилъ господей и на возвращномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Пепровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, копорья, благодаря усердію шамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленія и дополненія. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой роцѣ, услышалъ онъ удары шопора и чрезъ минушу прескъ повалившагося дерева; онъ успѣшилъ шуда и наѣхалъ на Покровскихъ мужиковъ, ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; но Дубровскій съ своимъ кучеромъ поймалъ одного

изъ нихъ, копораго привелъ связаннаго къ себѣ на дворъ; сверхъ того двѣ лошади непріятельскія dospались тушь же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде сего никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; теперъ Дубровскій увидѣлъ, что они пользуются разрывомъ, происшедшимъ между нимъ и его сосѣдомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прущьями, коими они сами запаслись въ его роцѣ, а лошадей опдашь въ работу, приписавъ къ барскому скопу.

Слухъ о семъ происшествіи въ тотъ же день dospигъ до ушей Кирила Пепровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую мину ту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Киспеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до пла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; таковыя подвиги были ему не въ-диковинку; но мысли его приняла вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воропъ оспановившуюся шройку; человѣкъ, въ кожаномъ

карпузъ и въ фризовой шинели, вышелъ изъ пелеги и пошелъ во флигель къ прикащику. Троекуровъ узналъ заѣдашеля Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минушу уже Шабашкинъ стоялъ предъ Кирилою Пепровичемъ, опвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ.

«Здорово, какъ бишь тебя зовутъ?» сказалъ ему Троекуровъ; зачѣмъ пожаловалъ?»

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше высокопревосходительство, опвѣчалъ Шабашкинъ, и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ ли какихъ приказаній.

«Очень къспати заѣхалъ, какъ бишь тебя зовутъ?» мнѣ до тебя нужда; выпей водки и выслушай.

Таковой ласковой пріемъ пріятно изумилъ заѣдашеля; онъ отказался опъ водки и спалъ слушашъ Кирилу Пепровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

«У меня сосѣдъ есть, сказалъ Троекуровъ, мелкопомѣстный, грубіянь; я хочу взять у него имѣніе; какъ ты объ этомъ думаешь?»

— Ваше высокопревосходительство, имѣются ли какіе-нибудь докуменшы?.....

«Врешь, братецъ, какъ бишь себя? какіе шупъ докуменшы? Дѣлю въ помъ, чшобы опшняш имѣніе и съ докуменшами и безъ докуменшовъ.

— Ваше высокопревосходительство, мудрено.

«Подумай, братецъ, понщи хорошенъко.

— Если бы, напримъръ, ваше высокопревосходительство могли достать какимъ-нибудь образомъ опъ сосѣда записъ, въ силу которой владеетъ онъ своимъ имѣніемъ, то конечно.....

«Понимаю, да вопъ бѣда: у него все бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, ваше высокопревосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ; безъ всякаго сомнѣнія, получите совершенное удовольствіе. —

«Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на швое усердіе, а въ благодарности моей можетъ быть увѣренъ.»

Шабашкинъ , поклонившись почти до земли, вышелъ вошь, съ пого же дня спалъ хлопотавъ по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно чрезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить докуменшы, въ силу которыхъ онъ владѣеть сельцомъ Киспеневкою.

Андрей Гавриловичъ изумился и въ попть же день написалъ въ опвѣтъ довольно грубое опношеніе, въ космъ объяснялъ онъ, что село Киспеневка доспалось ему по смерти покойнаго его родителея, что онъ владѣеть имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее припязаніе на сію его собственность—есть ябеда и мошенничество.

Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдателея Шабашкина; онъ увидѣлъ: во-первыхъ, что Дубровскій мало знаетъ полку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человека, столь горячаго и неосмотрительнаго, не трудно будетъ поставишь въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, размопрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость

*

опвѣчать обстоятельныѣ; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу; но она въ послѣдствіи оказалась недоспапочною.

Дѣло спало пянупься. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало объ немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, первый прунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль, сдѣлаться жерпвою ябеды, не приходила ему въ голову. Съ своей спороны Троекуровъ споль же мало думалъ о выигрышѣ запѣянаго имъ дѣла; Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя опъ его имени, спрацая и подкупая судей и полкуя вкривъ и вкосъ всѣ возможные указы. Какъ бы то ни было, 18... года февраля 9-го дня Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ *** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ поручикомъ Дубровскимъ и генераль-аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ шопъ же день Дубровскій опправился въ городъ; на дорогъ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣшилъ злобную улыбку на лицѣ своего прошивника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночеваль у него и на другой день упромъ явился въ присупствіе уѣзднаго суда. Никпо не обрапилъ на него вниманія. Въ слѣдъ за нимъ пріѣхаль и Кирила Пепровичъ; члены вспрѣпили его съ изъявленіемъ глубокаго подобоспраспія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣшамъ и до-родности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ спѣнѣ. Наспала глубокая пишина, и секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. О содержаніи его говорить не нужно. Секретарь умолкнулъ; засѣдатель вспаль и съ низкимъ поклономъ обрапи-ся къ Троекурову, приглашай его подписать предлагаемую бумагу. Торжествующій Троекуровъ взялъ изъ рукъ его перо и подписалъ подь рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ; секретарь под-несъ ему бумагу; но Дубровскій спопаль неподвижно, пошупя голову. Секретарь повшорилъ ему свое приглашеніе: подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувспвуешъ по совѣспи, что дѣло его еспъ правое и намѣрень

въ положенное законами время просишь по апелляціи, куда слѣдуешьъ.

Дубровскій молчалъ вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, опшполкнулъ секретаря съ такою силою, что топъ упалъ, схватилъ чернильницу и пустилъ ею въ засѣдаателя. Всѣ пришли въ ужасъ. Спорожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Трескуровъ вышелъ въ слѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единого привѣщиваго слова; онъ топчасъ опсправился въ Покровское, впайнѣ мучимый совѣстію и не вполне удовлетворенный поржесствомъ своей несправности. Дубровскій между-тѣмъ лежалъ въ постели; уѣздный лекаръ (не совѣтъ невѣжа) успѣлъ пустить ему кровь, приставилъ пѣявки и шпанскія мухи; къ вечеру спало ему легче, и на другой день опсправили его въ Киспсневку, почти уже ему непринадлежащую.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье больного Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣпно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая спаруха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась его нянькою. Она смошрѣла за нимъ какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей, и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость уведомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находящагося въ

по время въ П. б. И шакъ, оподравъ листъ опъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному Киспеневскому грамотиѣ, письмо, которое въ шопъ же день и опослала въ городъ на почту.

Но пора чипапеля познакомишь съ наспоющимъ героемъ нашей повѣспи.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ Кадепскомъ корпусѣ, и выпущень былъ корнетомъ въ гвардію. Опецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человекъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи пылокъ и честполюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти; игралъ въ каршы, входилъ въ долги, и не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богапую невѣспу.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янпарей, Гриша, его камердиннеръ, подаль ему письмо, коего надпись и печать шопчасъ поразили молодого человека. Онъ шопшшо распечалалъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ Владиміръ Андреевичъ, я, пвоя старая нянька, осмѣлюсь доложитъ тебѣ о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ какъ дитя глупое — а въ животѣ и смерти Богъ воленъ — прѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдашь насъ подъ началъ Кирилу Пешровичу Троекурову — попому что мы-дескашь ихніе, а мы искони ваши — и опть роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложитъ о томъ Царю-Башюшкѣ, а Онъ бы не далъ насъ въ обиду. Оспаюсь пвоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева.»

Владиміръ Дубровскій съ волненіемъ нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безполковыя строки. Онъ лишился мапери въ малолѣтствѣ, и почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ П. б. на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романически былъ къ нему привязанъ, и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль пошерять отца своего птягостно пер-

зала его сердце, а положеніе бѣднаго больнаго, копорос угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ опца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой спарухи и дворни..... угрожаемаго какимъ-то бѣдспвіемъ и угасающаго безъ помощи въ мученіяхъ пѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ пресупномъ небреженіи. Долго не получая опть опца никакого извѣспія, опъ и не подумалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разъѣздахъ или хозяйспвенныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйши въ опспавку, если болѣзненное состояніе опца попребуешъ его присупспвія. Товарищи, замѣшя его безпокойспво, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу объ оппускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе.....

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ копорой онъ долженъ былъ сворочить на Киспeneвку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувспвій: онъ боялся уже не заспать опца въ-живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ дерев-

нѣ; глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого полку. Приѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смоприселю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смоприсель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Киспенева, ожидали его уже четверныя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнямъ и смопрѣвшій за его маленькой лошаdkою. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый его баринъ еще живъ и побѣждалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами и между ними завязался разговоръ.

« Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у опца моего съ Троекуровымъ? »

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кирилой Пепровичемъ, а пошлъ и подалъ въ судъ — хопъ почасту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопые дѣло разбирать барскія ихъ воли; а ей-Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на

Кирилу Петровича: плешью обуха не перешибешь.

«Такъ видно эштоъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаешъ, что хочешъ?»

— И вѣспимо, баринъ: засѣдапеля, слышь, онъ и въ грошъ не спавипъ, исправникъ у него на-посылкахъ; господа съѣзжаются къ нему на поклонъ; и то сказапъ, было бы корыпю, а свиньи-то будупъ. —

«Правда ли, что опымаешъ онъ у насъ имѣнїе?»

— Охъ, баринъ, слышали пакъ и мы. На-днїяхъ Покровской пономаръ сказапъ на креспинахъ у нашего староспы: полно вамъ гуляпъ; вопъ ужю приберешъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ; а Микипа кузнецъ сказапъ ему: полно, Савельичъ, не печаль кума, не мупи госпей. Кирила Петровичъ самъ по себъ, а Андрей Гаврилычъ самъ по себъ — а всъ мы Божїи да Государевы; а на чужой рошъ пуговицы не нашешъ. —

«Спало быпъ, вы не желаеше перейши во владѣнїе Троекурова?»

— Во владѣніе Кирилы Пешровича! Господь упаси и избави! — у него памъ и своимъ плохо приходится, а доспанупся чужіе, такъ онъ съ нихъ не полько шкуру, да и мясо - по опдерепъ. Нѣптъ, дай Богъ долго здравспвовапъ Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его прибе- репъ, такъ не надо намъ никого, кромъ шебя, нашъ кормилецъ. Не выдавай пы насъ, а мы ужъ за шебя спанемъ. — При сихъ словахъ Ан- понъ размахнулъ кнупомъ, пряхнулъ возжами, и лошади побѣжали крупной рысью.

Тронупный преданностию спараго кучера, Дуб- ровскій замолчалъ и предался своимъ размышле- ніямъ. Прошло болѣе часу, вдругъ Гриша про- будилъ его восклицаніемъ: *Вотъ Покровское!* Дуб- ровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ копораго выпекала рѣчка, извивавшаяся между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью роци, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома— ппяпиглавая церковь и спаринная колокольня, около разбросаны были деревенскія избы съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣспа; онъ вспомнилъ, что на семъ самомъ хол- мѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуро- вой, копора была двумя годами его моложе и

тогда уже общала бышь красавицею. Онъ хотѣлъ объ ней освѣдомиться у Антона, но какая-то заспѣчивость удержала его.

Подѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадамъ, и повинувшись чесполобью — общему и деревенскимъ кучерамъ какъ и извоицамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а вѣтвь на опкрышомъ мѣстѣ сврѣнькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилося — передъ нимъ была Киспeneвка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ вѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ. 12-ть лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только-что были посажены около забора, выросли и спали шеперь высокими, вѣшвислыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный премоя правильными цвѣпниками, межъ крими шла широкая дорога, щцапельно выметасмая, обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслася спущанная лошадъ. Собаки было залаяли, но уз-

навѣ Анпона, умоляли и замахали космапными хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодаго барина съ шумными изъявленіями радости. Насилу могъ онъ продрапаться сквозь ихъ усердную толпу, и взбѣжалъ на вешное крыльцо; въ сѣняхъ встрѣшила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — Здорово, здорово, няня, повпорялъ онъ прижимая къ сердцу добрую спаруху; что бапюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ? Въ эту минупу въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, спарикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатъ и колпакъ. «Гдѣ жъ Володька?» сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ опца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное попрысаніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ бы упалъ, если бы сынъ не поддержалъ его. «Зачѣмъ ты вспалъ съ поспели, говорила ему Егоровна, на ногахъ не спишь, а туда же норовишь, куда и люди.» Спарика опнесли въ спальню. Онъ сился съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ опсавишь его наединѣ съ опцемъ. Доманніе повиновались, и

погда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по-деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣщствіями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего прїѣзда, молодой Дубровскій хоптѣль занялся дѣлами, но опецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныхъ объясненій; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашель онъ только первое письмо засѣдашеля и черновой ошвѣспъ на оное. Изъ этого не могъ онъ получить ясное понятіе о тяжбѣ, и рѣшилса ожидать послѣдспвій, надѣясъ на правопу самаго дѣла.

Между-шѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ-опъ - часу спановилось хуже. Владиміръ предвдѣль его скорое разрушеніе и не опходилъ опъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтспво.

Между-тѣмъ срокъ положенный прошелъ, и апелляція не была подана. Киспенево принадлежало Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить : когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новопріобрѣщеннымъ имѣніемъ— самому или кому изволишь онъ дать на то довѣренность? Кирила Петровичъ смутился. Опъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко ; совѣсть его ропсала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его пропивникъ, старый товарищъ его молодости — и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чпобъ его выбранишь, но не нашедъ достапочнога къ тому предлога, сказалъ ему сердито : « Пошелъ вонъ ; не до тебя ! » Шабашкинъ, видя, чпо онъ не въ - духъ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединъ, спалъ расхаживаешь взадъ и впередъ, насвистывая : *Громъ побѣды раздавайся*, чпо всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговья дрожки, одѣлся попештѣ (эпо было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выгхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онѣ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ воспоржествовали. Онѣ рѣшился помириться со старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтоживъ и слѣды ссоры, возвращивъ ему его достояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Пепровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальнѣ у окна. Онѣ узналъ Кирилу Пепровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заспунилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онѣ произнесъ невнятные звуки. Сынѣ его, сидѣвшій шупъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онѣ шоропился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ креселъ, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынѣ бросился къ нему, старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ. «Скорѣй, скорѣй въ городъ за лекаремъ!» кричалъ Владиміръ. Кири-

ла Петровичъ спрашиваетъ васъ, сказалъ вошедшій слуга. Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ. — Скажи Кирилу Петровичу, чпобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора — пошелъ! — Слуга радостно побѣжалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками. «Бапюшка ты нашъ — сказала она пискливымъ голосомъ — погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ насъ.» — Молчи, няня, сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лекаремъ. Егоровна вышла. Въ передней никого не было, всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣвъ на Кирилу Петровича. Они вышли на крыльцо и слышали отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дровняхъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минупу передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ полковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и опривиспо сказалъ: не надобно лекаря — бапюшка скончался.

Сдѣлалось смяшеніе. Люди бросились въ комнату спараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже и признака жизни въ семь пѣлъ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили прупъ, оспавленный на ихъ попеченіе — обмыли его, одѣли въ мундиръ, шитый еще въ 1797 году и положили на пошъ самый споль, за копорымъ сполько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго спарика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Споловая полна была дворовыхъ, гошовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ за нимъ, воспѣвая погребальныя молишвы. Хозяинъ Киспенева въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревь. При выходѣ изъ рощи, увидѣли Киспеневскую деревянную церковь и кладбище, осыненное спарыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой маперы; шамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была Киспеневскими крестьянами, пришедшими опдашь послѣднее поклоне-

нѣе господину своему. Молодой Дубровскій спалъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился — но лице его было спрашно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ пѣломъ — за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколошили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко упирали слезы кулакомъ. Владиміръ и пѣ же шрое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу — всѣ присупсвующіе бросили въ нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ Киспеневскую рощу.

Егоровна опъ имени его пригласила попа и весь причепъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присупсвовать. И такимъ образомъ опецъ Анисимъ, попадья Федотовна и дьячекъ пѣшкомъ опправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что по видимому ожидало его наследника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣсны всему околodку, и тамошніе полипики предвѣщали важныя оному послѣдствія.)

«Что будешь, что будешь, сказала понадея; а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будешь нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.»

— А кому же и бышь какъ не ему у насъ господиномъ? прервала Егоровна; напрасно Кирилла Пешровичъ и горячился—не на робкаго попалъ; мой соколикъ и самъ за себя поспоиптъ, да и Богъ дастъ благодѣтели его не ославяшъ. Больно спѣсивъ Кирилла Пешровичъ! —

— Ахши, Егоровна, сказалъ дьячекъ, я скорѣе соглашусь, кажешся, съ чорпомъ возишься, нежели косо взглянуть на Кирилу Пешровича. Какъ увидишь его—страхъ и ужась! а спина-то сама шакъ и гнешся, шакъ и гнешся...

— Суета суеть! сказалъ священникъ; и Кирилъ Пешровичу оппоюиптъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше—а Богу не все ли равно?

— Ахъ, бапюшка! и мы хопѣли зазвать весь околодокъ, да Владиміръ Андрейчъ не захопѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, еспъ чѣмъ угостишь—что прикажешь дѣлать? По-крайней-

мѣръ коли нѣтъ людей, шакъ ужъ вась упод-
чую, дорогіе гѣспи.

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найпи лако-
мый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они
благополучно-прибыли въ барской домъ, гдѣ спомъ
былъ уже накрытъ и водка подана.

Между-тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу
деревъ, движеніемъ и усалоспію спараясь за-
глушить душевную скорбь. Онъ шель, не замѣ-
чая дороги; сучья поминутно задѣвали и цара-
пали его, поги его поминутно вязли въ боло-
тъ — онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достиг-
нулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ споронъ
окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча око-
ло деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Влади-
міръ ошановился, сѣлъ на холодный дернь, и
мысли одна другой мрачнѣе спѣснились въ душѣ
его. . . Сильно чувспвовалъ онъ свое одиночество—
будущее для него являлось покрытымъ грозны-
ми тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣща-
ла ему новыя несчастія. Бѣдное его доспояніе
могло опойпи опъ него въ чужія руки—въ та-
комъ случаѣ нищепса ожидала его. Долго сидѣлъ
онъ неподвижно на томъ же мѣспѣ, взирая на
тихое печеніе ручья, уносящаго нѣсколькo по-

блеклыхъ лиспьевъ, и живо предспавлялось ему подобіе жизни — подобіе, споль вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣпилъ онъ, что начало смеркаться; онъ вспалъ и пошелъ искапъ дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на шрѣпинку, копорая и привела его прямо къ воропамъ его.

Навспрвчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причепомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольнo пошелъ спороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣпили, и съ жаромъ говорили между собою: «Удались опъ зла и сотвори благо,» говорилъ попъ попадѣ. Нечего намъ здѣсь оспаваться — не швоя бѣда, чѣмъ бы дѣло ни кончилось.» Попадѣ что-то опвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышашъ.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множеспво народу: креспьяне и дворовые люди полпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая спояли двѣ шройки. На крыльцѣ нѣсколькo незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сюрпукахъ, казалось, о чемъ-то полковали. «Что это значить?» спросилъ онъ сердипо у Анпона, копо-

рый бѣжалъ ему навспрѣчу; «это кто такіе? и что имъ надобно?» Ахъ, бапюшка Владиміръ Андреевичъ, опвѣчалъ Антонъ запыхавшись, судъ пріѣхалъ. Опдають насъ Троекурову, опымають насъ опъ пвоей милоспи!....

Владиміръ пошупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. «Опець ты нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки, не хопимъ другаго барина, кромѣ шебя. Умремъ, а шебя не выдадимъ.» Владиміръ смопрѣлъ на нихъ, и мрачныя чувспва волновали его.—Спойше смирно, сказалъ онъ имъ, а я переговорю съ приказными.—«Переговори, бапюшка, закричали ему изъ толпы, да усовѣспи окаянныхъ.» Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ карпузомъ на головѣ, споялъ подбочась и гордо взиралъ около шебя. Исправникъ, высокій и толспый мужчина, лѣтъ пяшидесяпи, съ краснымъ лицомъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крякнулъ и произнесъ охриплымъ голосомъ: «И пакъ я вамъ повпоряю шо, что уже сказалъ: по рѣшенію *** уѣзнаго суда опнынъ принадлежите вы Кирилъ Пепровичу Троекурову, и коего лицо предспавляешъ здѣсь г-нъ Шабашкинъ. Слушайпесь его во всемъ, что ни прикажешъ; а вы болѣе любипе и почипай-

ше его, а онъ до васъ большой охотникъ. «При сей сшарой шуткѣ исправникъ захохоталъ, Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдовали. Владиміръ кипѣлъ опъ негодованія. — Позвольте узнать, что это значить? спросилъ онъ съ прищворнымъ хладнокровіемъ у веселаго исправника. — А это то значить, опвѣчалъ замысловатый чиновникъ, что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровича Троекурова, и просить иныхъ прочихъ убраться по-добру, по-здорову.

« Но вы могли бы, кажется, опнеспись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ креспьянамъ, и объявить помѣщику опрѣшеніе опъ власпи...

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помре, а пы кто пакой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ — мы васъ не знаемъ, да и знать не хопимъ.

— Ваше благородіе, это нашъ молодой баринъ — сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто шамъ смѣлъ ропъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ, какой баринъ? Баринъ вашъ Кирила Петровичъ Троекуровъ — слышите ли, олухи?

— Какъ не шакъ! сказалъ попъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда!

Староста выступилъ впередъ.

— Опыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его! —

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говоритъ? Но все молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, началъ усиливаться и въ одну минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать. . . — Да что на него сморѣшь, закричали дворовые — ребята, бери его! — и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены земскаго суда бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. — Ребята, принимай! закричалъ попъ же голосъ — и толпа стала напирать. — Спойте, крикнулъ Дубровскій — дураки! что вы? Губите и себя и меня; спускайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. — Не бойтесь, Государь милосивъ: я буду просить Его — Онъ насъ не обидитъ — мы все Его дѣти; а какъ Ему за васъ будетъ заступиться, если вы спанете бунтовать и разбойничать?

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опуспѣлъ; члены сидѣли въ избѣ. Владиміръ печально вышелъ на крыльцо. Шабашкинъ опперъ двери и съ униженными поклонами спалъ благодарить Дубровскаго за его милосптивное заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. «Мы рѣшили, продолжалъ засѣдапель, съ вашего дозволенія оспаться здѣсь ночевать; а по уже шемно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милоспть, прикажите послплатъ намъ хоспъ стна въ госпиной; чѣмъ свѣпъ, мы опсправимся во-свосяи.

Дѣлайте, что хоспите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій — я здѣсь уже не хозяинъ. — Съ эспимъ словомъ онъ удалился въ комнапу опца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«И пакъ, все кончено! сказалъ Владиміръ самъ себѣ; еще упромъ имѣлъ я уголь и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оспавить домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ, земля, гдѣ онъ покоится, будешь принадлежать ненавистному чело-вѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!... Владиміръ списнулъ зубы, и глаза его неподвижно оспановились на поршреть его матери. Живописецъ предспавилъ ее облокоченною на перила, въ бѣломъ упреннемъ плащѣ, съ одною розою въ волосахъ. — И поршреть эпопъ до-спанешся врагу моего семейства — подумалъ Владиміръ; онъ заброшенъ будешь въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными спульями, или повѣшенъ въ передней, предметомъ насмѣшекъ и замѣчаній его царей; а въ ея спальней, въ комнапѣ, гдѣ умеръ отецъ, поселится его прикащикъ или

помѣспился его гаремъ. — Чѣмъ, нѣтъ! пускай же и ему не доспанется печальный домъ, изъ котораго онъ выгоняетъ меня. — Владиміръ списнулъ зубы; спрашныя мысли рождались въ умъ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали по того, по другаго, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все ушло.

Владиміръ опперъ комоды и ящики и занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онъ большею частію состояли изъ хозяйственныхъ счетовъ и переписки по разнымъ дѣламъ. Владиміръ разорвалъ ихъ не читая. Между ними попался ему пакетъ, съ надписью: *Письма моей жены*. Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ: они писаны были во время Турецкаго похода, и были адресованы въ армію изъ Киспенева. Она описывала ему свою деревенскую жизнь и хозяйственныя занятія; съ нѣжностію съповала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъясняла ему свое безпокойство на счетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его раннимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачитался, и погруженный ду-

шею въ міръ семейственнаго счастья, не замѣтилъ, какъ прошло время: спѣнные часы пробили одиннадцать. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли спаканы, ими опорожненные, и сильный духъ рому слышенъ по всей комнатѣ. Владиміръ съ опвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣшъ, бросился въ уголъ. Обрапясь къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа кузнеца.

« Зачьмъ ты здѣсь? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хопѣлъ... я пришелъ-было провѣдать, всѣ ли дома? пихо опвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

« А зачьмъ съ тобою топоръ? »

— Топоръ-то зачьмъ? Да какъ же безъ топора нонече и ходишь? Эши приказные такіе, вишь, озорники — шого и гяди...

« Ты пьянъ; брось топоръ, поди выпись. »

— Я пьянъ? батюшка, Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не бы-

ло... да и пойдешь ли вино-то на умь? Слы-
хано ли дѣлю — подъячіе задумали нами владѣшь,
подъячіе гоняшъ нашихъ господъ съ барскаго
двора... Экъ они храпяшъ, окаянныя; всѣхъ бы
разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

«Послушай, Архипъ, сказалъ онъ, немного по-
молчавъ, оставь свои зашты — не приказныя ви-
новаты. Засвѣщи-ка фонарь, да спускай за мною.

Архипъ взялъ свѣчку изъ рукъ барина, опыс-
калъ за печкою фонарь, засвѣпилъ его, и оба
тихо сошли съ крыльца и пошли около двора.
Спорожь началъ бить въ чугунную доску; соба-
ки залаяли. «Кто на-спорожахъ? спросилъ Дуб-
ровскій. — Мы, бапюшка, отвѣчалъ тонкій го-
лось: Василиса да Лукерья. «Подиде по дво-
рамъ, сказалъ имъ Дубровскій, вась не нужно.»
Шабашъ, примолвилъ Архипъ. Спасибо, корми-
лецъ, отвѣчали бабы, и топчась отправились
домой.

Дубровскій пошелъ далѣе. Два человекъ при-
близилсь къ нему; они его окликали; Дубров-
скій узналъ голось Антона и Грици. «Зачѣмъ

вы не спите? спросилъ онъ ихъ. — До сна ли намъ, опвѣчалъ Анпонъ — до чего мы должны, кто бы подумалъ...

«Тише, прервалъ Дубровскийъ, гдѣ Егоровна?»

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣпелкѣ, опвѣчалъ Гриша.

«Поди, приведи ее сюда, да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чпобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Анпонъ, запряги шелегу. Гриша ушелъ; чрезъ минушу онъ явился съ своею матерью. Спаруха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ никто не смыкалъ глаза.

«Всѣ ли здѣсь? спросилъ Дубровскийъ; не осталось ли кого въ домѣ?»

— Никого, кромѣ подъячихъ, опвѣчалъ Гриша.

«Давайте сюда сѣна, или соломы, сказалъ Дубровскийъ.

Люди побѣжали въ конюшню и возвратились назадъ съ охапками сѣна.

*

«Подложите подъ крыльцо, вопъ такъ. Ну, ребяпа, огню!»

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину. «Постой, сказалъ онъ Архипу, кажется, въ-поропяхъ я заперъ двери въ переднюю, поди скорѣй, отопри ихъ.

Архипъ побѣжалъ въ сѣни — двери были опперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвивъ вполголоса: *какъ не такъ, отопри*, и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣпило весь дворъ.

— Ахпи! жалобно закричала Егоровна, Владимиръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

«Молчи! сказалъ Дубровскій. Ну, дѣпи, прощайте, иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ.

— Опець нашъ, кормилецъ, закричали люди, умремъ не оставимъ тебя, идемъ съ шобою.

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гри-

шю въ пелегу ; Аншонъ ударилъ по лошадамъ и они выѣхали со двора.

Въ одну минупу пламя обхватило весь домъ. Пола запрецали, посыпались; пылающія бревна спали падашь, красный дымъ вился надъ кровлею ; раздася жалобный вопль и крики : помогите, помогите ! « Какъ не шакъ, » сказалъ Архипъ съ злобною улыбкой, взирающій на пожаръ. Архипушка, говорила ему Егоровна, спаси ихъ окальныхъ, Богъ шебя наградишь. « Какъ не шакъ » опвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минупу приказные показались въ окна, спараясь выломить двойныя рамы. Но шупъ кровля съ шрескомъ обрушилась — и вопи ушихли.

Вскоръ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребяпишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полешъли огненной метелью — избы загорѣлись. « Теперь все ладно ! » сказалъ Архипъ ; каково горить, а ? Чай изъ Покровскаго славно смотрѣшь. » Въ сію минупу новое явленіе привлекло его вниманіе : кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ, куда спрыгнушь. Со всѣхъ споронъ окружало ее пламя. Бѣдное живошное жалкимъ мяуканьемъ призывало на по-

мощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея опчаяніе. «Чему смѣтесея, бѣсеняпа, сказалъ сердипо кузнецъ; Бога вы не боитесь: Божія пварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь» — и посава лѣшницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и, съ видомъ поропливой благодарности, уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ.» Ну, ребяпа, прощайте, сказалъ онъ смущенной дворнѣ, мнѣ здѣсь дѣлать нечего — счастливо осаваться, не поминайте меня лихомъ.» Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени. Наконецъ унялся и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ шепногѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлыя жипсан Кистенева.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсь о пожарѣ разнеслась по всему околодку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неоспорожноспи; другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельи; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Нѣкопорые догадывались объ испинѣ и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій. Троскуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, за сѣдапель земскаго суда, спряпчій и писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человекъ Григорій, кучерь Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ

дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы, Василиса и Лукерья, сказали, что Дубровскаго и Архипа кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и, вѣроятно, главный, если не единственныи виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Пепровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣспи дали другую пицу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распроспранили ужасъ по всеи окрестности. Мъры, принятыя противъ нихъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другаго замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько шоекъ, наполненныхъ разбойниками, разъѣзжали днемъ по всей губернии, останавливали путешественниковъ и почту, прѣзжали въ селы, грабили помещичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Рассказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всеи успехахъ, все были увѣрены,

что онъ, а никто другой предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному. Помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностью Троекуровъ приписывалъ се исключеніе спраху, копорый умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и опмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокомѣріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтообъ незваные госпи поспѣшили Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были съ нимъ согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ поржесствовалъ, и при каждой вѣспи о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсыпался намеками на счетъ губернатора, исправниковъ и ропныхъ командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между-тѣмъ наступило 1-е октябрия, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Чишатель вѣроятно уже догадался, что дочь Кирила Пешровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было 17 лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Опець любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, поспраиваясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, по пугая ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилъ Пешровичу, коста обыкновенные разговоры, увеселенія, шре-

бовали шоварищества мужчинъ, а не присущствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди госпей, пирующихъ у Кирила Пешровича. Огромная библіотека, составленная большею часпію изъ сочиненій Французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отець ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ *Совершенной поварихи*, не могъ руководствоваться въ выборѣ книгъ, и Мама, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мишо, которой Кирила Пешровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ ослабить пихонько въ другое помѣщеніе, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мишо оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка, и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Пешровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперстницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирила Пешровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черпоглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ 9-ти, напоминающій полуденныя черпы мамзель Мишо, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сы-

номъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши Француза - учителя, который и прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилъ Петровичу своей прилипной наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ предспавилъ Кирилъ Петровичу аптешпапы и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостию своего Француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недоспапокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были свои сомнѣнія, которыя тотчасъ и рѣшился ему объяснить. Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичъ по-Французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ). «Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и бытъ, принимаю его; только съ шѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвушка-

ми не осмѣливался волочиться, не по я его собачьяго сына переведи это ему, Маша.

Маша покраснѣла, и обратясь къ учителю, сказала ему по-Французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

«Хорошо, хорошо! сказалъ Кирила Петровичъ. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамотѣ да географіи — переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ оппустилъ своего Француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодого Француза, воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ; учитель былъ для нея родъ слуги или маспероваго, а слуга или маспе-

ровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія его, произведеннаго на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его пренепа, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирила Пепровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ Покровскаго помещика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Пепровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, справляя ихъ съ кошками и щенками. Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи насоящей правли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкапывали имъ порожнюю винную бочку, упыканную гвоздями; медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ пихонько до нея допрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, пощипывалъ ее сильнѣе и сильнѣе спановилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покаместъ не опымали у бѣднаго звѣря предмета щечной его ярости. Случалось, что въ телегу впрягали пару медвѣдей,

волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скагать на волю Божию. Но лучшею шпуюкою почиалась у Кирила Пепровича слѣдующая.

Проголодавшася медвѣдя заурпѣ-бывало въ пустой комнаѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ спѣну. Веревка была длиною почти во всю комнапу, такъ-что одинъ только пропивоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія спрашнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнапы, нечаянно впалкивали его къ медвѣдю, двери запирались и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустыннымъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро опыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлыхъ при часа спояшь прижавшись къ спѣнѣ, и видѣшь, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, спановился на дыбы, ревелъ, рвался и силился до него допянуться. Нѣсколько дней спустя послѣ прѣзда учипеля, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угоспиль его въ медвѣжьей комнаѣ. Для сего призвалъ его однажды упромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери опворились —

двое слугъ впакиваютъ въ нее Француза, и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него. . . . Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькой пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились — Кирила Пепровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Пепровичъ хотѣлъ непременно объясненія всему дѣлу. Кпо предварилъ Дефоржа о шуткѣ, ему приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела Французу вопросы опца.

«Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Дефоржъ, но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ шерпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу претребовать удовольстворенія.

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ, и перевела слова его Кирилу Пепровичу. Кирила Пеп-

ровичъ ничего * не опвѣчалъ, вельмъ выпашцишь медвѣдя и сняшь съ него шкуру; попомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ: каковъ молодець! не спрусиль, ей-Богу не спрусиль. Съ поиминушы онъ Дефоржа полюбиль и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно спояцаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежатъ одному сословію, и съ шѣхъ поръ спада оказывають молодому учиселю уваженіе, которое часъ-опъ-часу спановилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкопорыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности, Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того чипашелю не прудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ помъ не признаваясь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунъ праздника гости начали съѣзжаться; иные оспанавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, прѣпсы у священника, чепвертые у зажимочныхъ крестьянъ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ 9-ть часовъ упра заблаговѣспили къ обѣднѣ, и все попянулось къ новой каменной церкви, построеной Кирилоу Пепровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собралось такое множество почепныхъ богомольцевъ, что просые крестьяне не могли помѣспиться въ церкви, и спояли на паперши и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась: ждали Кирилу Пепровича — онъ прѣхалъ въ коляскѣ шеспернею и поржеспвенно пошелъ на свое мѣспо, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и жен-

щинъ обратились на нее — первые удивлялись красотою, впорья со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Пепровичъ подпягиваль, молился, не смотря ни направо, ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ *и о зиждитель храма сего.*

Обѣдня кончилась. Кирила Пепровичъ первый подошелъ ко кресту; изъ церкви пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ, сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Пепровичъ, выходя, кланялся направо и налѣво, сѣлъ въ коляску и отправился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнены госпями; поминутно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ; мужчины полпились около дикры и водки, съ шумнымъ разнообразіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на 80 приборовъ; слуги суешились, распавляли бутылки и графины, и прилаживали скаперпи. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: кушанье поставлено — и Кирила Пепровичъ первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы и важно заняли

*

свои мѣста, наблюдая нѣкоторое спаршинство; барышни спѣснились межъ собою, какъ робкое стадо кѣзочекъ и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; прошивъ ихъ помѣспились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги спали разноситъ парелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнїя руководствуясь Лафатперовскими догадками, и почпи всегда безошибочно. Звонъ парелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Пепровичъ весело обзрѣвалъ свою прапезу, и вполнѣ наслаждался счастьемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Анпонъ Пафнупьичъ, отвѣчали нѣсколько человекъ. Двери отворились — и Анпонъ Пафнупьичъ Спицынъ, полсипый мужчина, лѣтъ 50-пи, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. «Приборъ сюда! закричалъ Кирила Пепровичъ; милоспи просимъ, Анпонъ Пафнупьичъ, садись, да скажи намъ, что это значить: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоень и покушашъ любишь.» — Виновашъ, отвѣ-

чалъ Антонъ Пафнушъичъ, привязывая салфетку въ пеплицу гороховаго кафшана, виноватъ, бапюшка Кирила Пепровичъ, я-было рано пуспился въ дорогу, да не успѣлъ оптьѣхатъ и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ — что прикажешь? Къ счастью, не далеко было опть деревни; пока до нея допацились, да опыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно при часа — дѣлать было нечего. Ъхатъ ближнимъ путемъ чрезъ *Кистеневскій* лѣсъ я не осмѣлился, а пуспился въ объѣздъ. «Эге! прервалъ Кирила Пепровичъ, да ты, знаешь, не изъ храбраго десяпка; чего ты боишься?» — Какъ, чего боюсь, бапюшка Кирила Пепровичъ, а Дубровскаго-то: того и гляди попадешься ему въ лапы. Онъ, малый, не промахъ, никому не спушинтъ, а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдерешъ. «За что жъ, братъ, такое опшичье?» — Какъ за что, бапюшка Кирила Пепровичъ, а за шяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли, въ удовольствіе ваше, п. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) общалъ со мною по-свойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово бапюшкино. Доселъ Богъ мило-

валъ: всего-на-все разграбили у меня одинъ анбаръ, да шого и гляди до усадьбы доберешся. «А въ усадьбѣ-то будешь имъ раздолье, замѣпилъ Кирила Петровичъ; я-чай, красная шкапулочка полнымъ-полна.»—Худо, башюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла! «Полно врать, Антонъ Пафнушьичъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ деньги прапить? дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь—знай копишь, да и шолько.»—Вы все изволили шупить, башюшка Кирила Петровичъ, пробормоталъ Антонъ Пафнушьичъ, улыбаясь, а мы съ-Богу разорились—и Антонъ Пафнушьичъ спалъ заѣдавъ барскую шупку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки. Кирила Петровичъ османилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ-госпи прѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ спола подлѣ учипеля.

«Ну-ка, господинъ исправникъ, докажи намъ свое удалъство: поймай намъ Дубровскаго.

Исправникъ спрусилъ, поклонился, улыкнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ: постараемся, ваше превосходительство.

«Гмъ! постараемся. Давно спарашешся, а проку все-таки нѣтъ.

— Суцая правда, ваше превосходипельство, оп-
вѣчалъ совершенно смупившійся исправникъ.

Госпи захохопали.

« Люблю молодца за искренность , сказалъ
Кирила Пепровичъ. А жаль покойнаго исправни-
ка Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, шакъ
въ околодкѣ было бы пише. А чпо слышно про
Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?

— У меня, Кирила Пепровичъ; пропицалъ под-
спый дамскій голось; въ прошлый впорникъ объ-
далъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Гло-
бову, довольно просшую вдову, всѣми любимую
за хлѣбосольство. Всѣ съ любопытствомъ приго-
повились услышашъ ея разсказъ.

— Надобно знашь, чпо шому при недѣли по-
слала я прикащика на почтѣ съ письмомъ для
моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ со-
стояніи баловашъ , хотя бы и хопъма ; однако,
сами изволише знашь, офицеру гвардіи нужно со-
держашъ себя приличнымъ образомъ, и я съ Ва-
нюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками.

Вопшь и послала ему 2000 рублей, хопшь Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верспшь, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвращается, блѣдень, оборванъ и пѣшь. Я шакъ и ахнула. «Чтѣ пакое? чтѣ съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: — мапушка Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чупшь не убили. Самъ Дубровскій былъ шупшь, хопшьль повѣсипшь меня, да сжалился и отпустилъ; за то всего обобралъ, опнялъ и лошадь и шелегу.—Я обмерла; Царь мой небесный! чтѣ будешъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я свое письмо, рассказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

«Прошла недѣля, другая. Вдругъ вѣзжаешъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то генералъ просипшь со мною увидѣпшься; милоспи просимъ. Входипшь ко мнѣ человекъ лѣпшь 35-ти, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, суцій портретъ Кульнева, рекомендуешся мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхашъ къ его вдовѣ, зная, чтѣ я шупшь живу. Я угоспила его, чтѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о помѣ о сѣмъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я рассказала

ему свое горе. Генераль мой нахмурился: «Эпо справно, сказалъ онъ; я слыхаль, что Дубровскій нападаешъ не на всякаго, а на извъспныхъ богачей, да и шупъ дѣлился съ ними, а не грабиль до-чиспа. А въ убійствахъ никто его не обвиняешъ; нѣтъ ли шупъ плушни? Прикажишка позвать вашего прикащика.» Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ пакъ и осполбенѣлъ. Расскажи-ка мнѣ, брашець, какимъ образомъ Дубровскій шебя ограбилъ и какъ онъ хопѣлъ шебя повѣсиль? Прикащикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги. Бапюшка, виновашъ; грѣхъ попугалъ—солгалъ. Коли пакъ, опвѣчалъ генераль, пакъ изволь же разсказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю. Прикащикъ не могъ опомниться. Ну, что-же, продолжалъ генераль, разсказывай: гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ? У двухъ сосенъ, бапюшка, у двухъ сосенъ. Что же сказалъ онъ шебѣ? Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешъ, зачѣмъ? Ну, а послѣ? А послѣ попребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я опдалъ ему письмо и деньги. А онъ? Ну—а онъ—бапюшка, виновашъ. Ну что же онъ сдѣлалъ? Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да сказалъ: спупай себѣ съ Богомъ, опдай эпо на почпу. Ну!—Бапюшка, виновашъ. Я съ тобою, голубчикъ,

управлюсь, сказалъ грозно генераль. А вы, сударыня, прикажите обыскашь сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на-руки, а я его проучу. Я догадалась, кто былъ его превосходительство; нечего мнѣ было съ нимъ полковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; генераль у меня опобѣдалъ, попомъ попчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика моего нашли на другой день въ лѣсу привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку.»

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ впайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечпательница, напипанная шайнспвенными ужаами Радклифъ.

«И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Пепровичъ. Очень же ты ошиблась. Не знаю кто былъ у тебя въ-госпяхъ, а полько не Дубровскій.»

— Какъ, бапюшка, не Дубровскій? да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и спанешъ оспанавливашь прохожихъ, да ихъ осмаприваешь?

« Не знаю, а ужь вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ, не знаю почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявой, бѣлокуренькой мальчикъ; но знаю навѣрное, что Дубровскій пятью годами спарше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не 55 лѣтъ, а около 25.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ, у меня въ карманѣ и примѣшны Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему опъ-роду 25 годъ.

« А! сказалъ Кирила Пепровичъ, кшапи: прощипше-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знашь его примѣшны; авось въ глаза попадешся, такъ не вывернешся.

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и спялъ чшапшь на-распѣвъ. Примѣшны Дубровскаго, соспавленные по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

Опъ-роду 24 года, *роста* средняго, *лицомъ* чшпшь, *бороду* брѣпшь, *глаза* имѣпшь каріе, *волосы* русые, *носъ* прямой. Примѣшны особья: паковыхъ не оказалошь.

«И только? сказалъ Кирила Пешровичъ.

— Только; опивчалъ исправникъ, складывая бумагу.

«Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ опыскашь Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: при часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя.»

Исправникъ смиренно положилъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ кануспой; между - тѣмъ слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бупылокъ горскаго и цымлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры спановились звонче, невнятные и веселѣе.

«Нѣтъ, продолжалъ Кирила Пешровичъ, ужъ не видашь намъ никакого исправника, каковъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичъ! Эпошъ былъ не

промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а по бы опъ него не ушелъ ни одинъ человекъ изъ всей шайки. Онъ всѣхъ бы до одинаго переловилъ, да и самъ Дубровскій бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлашь нечего; видно, мнѣ вспуписья въ это дѣло, да пойми на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай опряжу человекъ двадцать, такъ они и очистишь воровскую роццу; народъ не прусливый, каждый въ - одиночку на медвѣдя ходишь; опъ разбойниковъ не попяшишь.»

— Здоровъ ли вашъ медвѣдъ, бапиюшка Кирила Пепровичъ? сказалъ Антонъ Пафнушьичъ, вспомня при сихъ словахъ о своемъ космапомъ знакомцѣ и о нѣкопорыхъ шупкахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

« Миша приказалъ долго жить, опвѣчалъ Кирила Пепровичъ, умеръ славною смерщью опъ руки неприятеля. Вонъ его побѣдитель! » Кирила Пепровичъ указалъ на учишеля Француза; « онъ опомсшилъ за швою . . . , съ позволенія сказашь помнишь? »

— Какъ не помнишь? сказалъ Антонъ Пафнупьичъ, почесываясь, очень помню. Такъ Миша умеръ — жаль Миши, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! эпакова медвѣдя другова не сыщешь. Да зачѣмъ мусе убилъ его?

Кирила Пепровичъ съ великимъ удовольствіемъ спалъ рассказывать подвигъ своего Француза, ибо имѣлъ счастливую способность щцеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Госпи со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти, и съ изумленіемъ посмапривали на Дефоржа, копорый, не подозрѣвая, что разговоръ шелъ о его храброспи, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравспвенныя замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около прехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфепку на споль, всѣ вспали и пошли въ госпиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, каршы и продолженіе попойки, споль славно начатой въ споловой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

—

Около семи часовъ вечера, нѣкопорые гости хопѣли ѣхашь, но хозяинъ, развеселясь опть пуншу, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпуститъ. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились—и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая спаканъ за спаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Спарушки играли въ каршы. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не кварпируешъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми опличался; всѣ барышни выбирали его, и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною—и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый

хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинавъ, и самъ отправился спать.

Отсутствие Кирила Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣсто подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ, и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человекъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, былъ разсѣянъ и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры разбойническіе взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутичъ, призывая Господа въ свидѣтели въ томъ, что красная шапка была пуста, не лгалъ и не согрѣшилъ; красная шапка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Ссю только предосторожностію успокоивалъ онъ

lib.pushkinskijdom.ru

свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ оспаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чпобъ не опвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнаѣ, куда легко могли забрасться воры; онъ искалъ глазами надежнаго поварища и выбралъ наконецъ Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о коемъ бѣдный Анпонъ Пафнушьичъ не могъ вспомнить безъ содраганія, рѣшили его выборъ. Когда вспали изъ-за стола, Анпонъ Пафнушьичъ спалъ вершѣвшись около молодаго Француза, покракивая и опкашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

« Гмъ, гмъ! нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей конуркѣ, пошому-чпо, изволишь видѣшь

— *Que desire monsieur?* спросилъ Дефоржъ, учпиво ему поклонившись.

« Эхъ, бѣда! пы, мусье, по-Русски еще не выучился. *Je ve, муа ше ву куше, понимаешь ли?* »

— *Monseur, vous n'avez qu' à ordonner,* опвчалъ Дефоржъ.

Толь Х.

12

Анпонъ Пафнушьичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во Французскомъ языкѣ, пошелъ пошчасъ распоряжашься,

Госпи спали прощашься между собою, и каждый опправился въ комнапу, ему назначенную; а Анпонъ Пафнушьичъ пошелъ съ учипелемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщаль дорогу фонаремъ; Анпонъ Пафнушьичъ шель за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди попаенную суму, дабы удостовѣришься, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учипель засвѣшилъ свѣчу, и оба спали раздѣвашься; между - тѣмъ Анпонъ Пафнушьичъ похаживаль по комнапѣ, осмапривая замки и окна, и качая головою при семь неуспѣшнелномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкой, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался-было жаловашься Дефоржу, но знанія его во Французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не поняль, и Анпонъ Пафнушьичъ принужденъ былъ оставишь свои жалобы. Поспели ихъ спояли одна прошивъ другою; оба легли, и учипель попушилъ свѣчу.

«Пуркуа ву шуше, пуркуа ву шуше? закричалъ Аншонъ Пафнушьичъ, спрягая съ грѣхомъ пополамъ Русскій глаголь шушу на Французскій ладъ. Я не могу dormire въ-попешкахъ.» Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

Проклятый басурманъ! проворчалъ Спицынъ, закушываясь въ одѣяло. Нужно ему было свѣчку пушишь. Ему же хуже. «Я спать не могу безъ огня. Мусье, мусье, продолжалъ онъ, же ве аевкъ ву парле.» Но Французъ не опвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ.

«Храпиль бесшя Французъ, подумалъ Аншонъ Пафнушьичъ, а мнѣ-такъ и сонъ въ умъ неидешъ-пого и гляди, воры войдушъ въ отккрышыя двери, или влѣзущъ въ окно, а его, бесшю, и пушками не добудишься. «Мусье! а мусье!— дьяволь шебя поберя.»

Аншонъ Пафнушьичъ замолчалъ; уснулость и винные пары мало-по-малу превозмогли его бояливостъ; онъ спалъ дремалъ, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное гоповилось ему пробужденіе. Онъ чув-

*

спивоваль, еквозь сонъ, что кто-то пихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Аншонъ Пафнушьичъ открылъ глаза, и при блѣдномъ свѣтѣ осенняго ушра увидѣлъ передъ собою Дефоржа: Французъ въ одной рукѣ держалъ карманный писмолетъ, а другою опспегивалъ завѣшную суму. Аншонъ Пафнушьичъ обмеръ. «Кесь ке се, мусье, кесь ке се?» произнесъ онъ препенущимъ голосомъ. Тише! молчашь! опвѣчалъ учитель чиспымъ Русскимъ языкомъ; молчашь! или вы пропали. Я Дубровскій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

—

Теперь попросимъ у чипапеля позволенія объяснить послѣднія происшествія повѣспи нашей предъидущими обспояпельспвами, кои не успѣли мы еще разсказапъ.

На спанціи * *, въ домъ смопришеля, о коемъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иноспранца, п. е. человекъ, не имѣющаго голоса на почповомъ пракпѣ. Бричка его спояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькой чемоданъ, шощее доказательство не весьма доспащочнаго соспоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвиспывалъ, къ великому неудовольспвію смоприпельши, сидѣвшей за перегородкою.

«Вопшь Богъ послалъ свиспуна, говорила она вполголоса; экъ посвиспываешъ; чпобъ онъ лопнулъ окаянный басурманъ.

— А чпо? 'сказалъ смопришелъ, чпо за бѣда? пускай себѣ свищешъ.

«Чпо за бѣда? возразила сердитая супруга, а развѣ не знаешь примѣпы?

— Какой примѣпы? Чпо свиспъ денежку⁹ выживаешъ? И! Пахомовна, у насъ, чпо свиспи, чпо нѣпшъ, а денегъ все нѣпшъ какъ нѣпшъ.

«Да оппусти ты его, Сидорычь. Охота шебѣ его держашъ. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чоршу.

— Подождешъ, Пахомовна; на конюшнѣ всего три пройки, четвертая отдыхаешъ. Того и гляди, подоспѣюшъ хорошіе проѣзжіе; не хочу своєю шеей отвѣчашъ за Француза. Чу! пакъ и еспъ! вонъ скачупъ! Эге, ге! и, да какъ шибко! ужъ не генераль ли?

Колеска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, опперъ дверцы и черезъ мину-

пу молодой человекъ, въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ, вошелъ къ смотрителью; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкапулку и поставилъ ее на окошко.

« Лошадей! » сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель; пожалуйста подорожную.

« Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ спору. . . . Развѣ ты меня не узнаешь? »

Смотритель засуетился и кинулся поропишь ямщиковъ. Молодой человекъ спалъ расхаживавъ назадъ и впередъ по комнашѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: кпо такой проѣзжій?

« Богъ его вѣдаетъ, отвѣчала смотрительша, какой - то Французъ; вопшь ужъ пять часовъ, какъ дожидается лошадей, да свищеть. Надоѣлъ, прокляшый. »

Молодой человекъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-Французски.

« Куда изволише вы ѣхать? спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, опвѣчалъ Французъ; опшуда опсправлюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за-глаза въ училищели. Я думалъ сегодня бытъ уже на мѣстѣ, но г-нъ смопришель, кажешся, судилъ иначе. Въ эпой землѣ прудно доспашь лошадей, г-нъ офицеръ.

« А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы? спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, опвѣчалъ Французъ.

« Къ Троекурову? Кто такой эпошь Троекуровъ?

Ma foi, monsieur. Я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываюушь, что онъ баринъ гордый и своенравный, жестокій въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можешъ съ нимъ ужиться, что всѣ препенушь при его имени, что съ училищелими (avec les Outschitels) онъ не церемонился.

« Помилуйше! и вы рѣшаешесь опредѣлишьса къ шакому чудовищу?

— Чшо жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаешъ мнѣ хорошее жалованье, 5000 руб. въ годъ, и все гошовое. Быть можетъ, я буду счастливѣе другихъ. У меня спаруха мать: половину жалованья буду опсылать ей на пропитаніе; изъ оспальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости—и тогда, *bon soir*, ѣду въ Парижъ, и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

« Знаешъ ли васъ кто-нибудь въ домѣ Троскурова? спросилъ онъ.

— Никшо, опвѣчалъ учитель; меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у коего поваръ мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я гошовился-было не въ училищехъ, а въ кандидаторы; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе . . . »

Офицеръ задумался. «Послушайте, прервалъ онъ Француза: что, если бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10:000 руб. чиспыми деньгами, съ шѣмъ, чтобы сей же часъ вы опправились обратно въ Парижъ?»

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смопритель. Слуга подтвердилъ то же самое.

«Сейчасъ» отвѣчалъ офицеръ. Выдѣше вонъ на минушу. (Смопритель и слуга вышли.) Я не шу-чу, продолжалъ онъ по-Французски; 10.000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше опшесствіе и ваши бумаги.» При сихъ словахъ онъ опперъ шкапулку и вынулъ нѣскольکو кипъ ас-сигнацій.

Французъ выпарасилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать. — Мое опшесствіе.... мои бумаги, повпорялъ онъ съ изумленіемъ. Воптъ мои бума-ги... но вы шупните? зачѣмъ вамъ мои бума-ги?»

«Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согла-сны вы, или нѣтъ?»

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, про-пянулъ бумаги свои молодому офицеру, который быспро ихъ пересмотрѣлъ.

«Вашъ пашпортъ.... хорошо; письмо реко-

мендапельное — посмопримъ ; свидѣпельство о рожденіи — прекрасно. Ну, воптъ же вамъ ваши деньги, опсправляйтесь назадъ. Прощайте.

Французъ сполялъ, какъ вкопанный. Офицеръ воропился. « Я-было забылъ самое важное : дайше мнѣ чеспное слово, чпо все эпо оспанешся между нами — чеспное ваше слово.

— Чеспное мое слово, опвѣчалъ Французъ. Но мои бумаги; чпо мнѣ дѣлашь безъ нихъ?

« Въ первомъ городѣ объявите, чпо вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣряптъ и дадушъ нужныя свидѣпельства. Прощайте, дай Богъ вамъ скорѣе довѣхатъ до Парижа, и найши машушку въ добромъ здоровѣѣ.»

Дубровскій вышелъ изъ комнашы, сѣлъ въ коляску и поскакалъ.

Смопришелъ смопрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ : « Пахомовна! знаешь ли ты чпо? вѣдь эшо былъ Дубровскій.

Смоприпельша опромешью кинулась въ окошко, но было ужъ поздно : Дубровскій былъ ужъ

далеко. Она принялась бранить мужа: «Бога ты не боишься, зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чшобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный!»

Французъ споялъ какъ вкопанный. Договоръ съ офицеромъ, деньги, все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тупъ у него въ карманъ и краснорѣчиво пвердили ему успешность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ и ночью допацился онъ до города.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами Француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домъ. Каковы ни были его спайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать, и не спрого взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдовалъ за музыкальными успѣхами своей ученицы, и часпо по цѣ-

лымъ часамъ сживалъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодаго учителя: Кирила Пепровичъ за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе за доброшу и за щедросшь, повидимому несомвѣстную съ его соспояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ онаго.

Прошло около мѣсяца опъ его вспуленія въ званіе учительское до доспомятнаго праздника, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ Французѣ таился грозный разбойникъ, коего имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскийъ не оплучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не упихалъ, благодаря изобрѣпательному воображенію сельскихъ жипелей; но могло спашься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ опсупспіе начальника. Ночуя въ одной комнапѣ съ челоувкомъ, коего могъ онъ почестъ личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдспвія, Дубровскийъ не могъ удержашься опъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки, и рѣшился ею

завладѣшь. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнушьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

Не доѣзжая до заспавы, у кошорой, вмѣсто часоваго, спояла развалившаяся будка, Французъ вельль оспановишься, выльзь изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ дарить ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи опъ его щедрости, какъ и самъ Французъ опъ предложенія Дубровскаго. Но заключивъ изъ того, что Немець сошелъ съ ума, ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ, и не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, опправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе, коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день, упромъ, на порожней пройкѣ опправился во-своаяси, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинству молодого Француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и спрогой приспосовности, и шѣмъ успокаивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностію предавалась увлекающей привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Мо-

жестъ быть, она не была еще влюблена; но, при первомъ случайномъ препяпспвіи, или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя спраспи должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣпила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она опкрыла форшепіано, пропѣла нѣсколькo нопѣ; но Дубровскій, подѣ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая нопы, подаль ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскалалась въ ту же минупу; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнапу, развернула записку и прочла слѣдующее :

« Будпше сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорипь.»

Любопытство ся было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было бы услышать подпвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувспвовала, что ей было бы неприлично слышать паковое объясненіе опѣ человѣка, которпй, по состоянію своему, не долженъ былъ надѣяться ко-

гда-нибудь получишь ея руку. Она рѣшилась итти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя, съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между-тѣмъ она поминутно поглядывала на часы. Смерклося; подали свѣчи; Кирила Петровичъ сълъ играшь въ боспонтъ съ пріѣзжими сосѣдами; споловые часы пробили прерпью чепвертпъ седьмага — и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ спороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыпо тучами, въ двухъ шагахъ опъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ шемнопъ по знакомымъ дорожкамъ, и черезъ минупу очупилась у бесѣдки; шупъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и непоропливымъ. Но Дефоржъ споялъ ужъ передъ нею.

« Благодарю васъ, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, что вы не опказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ опчаяніи, если бъ вы на шо не согласились.

Марья Кириловна опвѣчала заготовленною фразой:— Надѣюсь, что вы не заспавите меня раскаясь въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. « Обспошельства пребуютъ . . . я долженъ васъ оспавить, сказалъ онъ наконецъ, вы скоро, можешъ бытъ, услышите но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться. »

Марья Кириловна не опвѣчала ничего. Въ эгихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

« Я не то, что вы предполагаете, продолжалъ онъ, пошупя голову, я не Французъ Дефоржъ—я Дубровскій. »

Марья Кириловна вскрикнула. « Не бойпесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я шопъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ опеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него. Все кончено—я ему просшилъ; вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около

его дома, назначая, гдѣ вспыхнушь пожару, опкуда войпи въ его спальню, какъ пресѣчь ему всѣ пупи къ бѣгству; въ шу минупу вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я повялъ, что домъ, гдѣ обитае те вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежишь моему проклятію. Я опказался опъ мщенія, какъ опъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣшь издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неоспорожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадывался опъ куста къ кусту, счастливый мыслію, что васъ охраняю, что для васъ нѣтъ опасности памъ, гдѣ я присуствую пайно. Наконецъ случай представился—я поселился въ вашемъ домъ. Эти три недѣли были для меня днями счастья; ихъ воспоминаніе будешь опрадою печальной моей жизни. . . . Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ кошораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оспаваться. Я разспаною съ вами сегодня, сей же часъ. . . . Но прежде я долженъ былъ вамъ опкрыпъся, чтобы вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для инаго назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда. . . . »

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился. «Простите, сказалъ Дубровскій, меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.» Онъ ошошелъ. . . . Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воропился и снова взялъ ея руку. «Если когда несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни оупъ кого не будете ждате ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ общаетесь ли вы прибгнупъ ко мнѣ, требовать оупъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь ли вы не опвергнуупъ моей преданности?» Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ шрепій разъ.

«Вы меня губите! закричалъ Дубровскій; я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ опвѣта; общаетесь ли вы, или нѣтъ?»

— Общаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворъ было много народу, у крыльца спояла пройка, люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы

Пепровича, и спѣшила войти въ комнапы, она-саясь, чтообъ оуспѣшнѣе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣпилъ ее Кирила Петровичъ; госпи окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ панспвеннымъ и суепливымъ. «Гдѣ ты была, Маша? спросилъ Кирила Пепровичъ; встрѣтила ли ты М-г Дефоржа?» Маша насилу могла отвѣчать оприцапельно. «Вообрази, продолжалъ Кирила Пепровичъ, исправникъ прѣхалъ его арестовать и увѣряетъ меня, что это самъ Дубровскій.» — Всѣ примѣты, ваше превосходительство, сказалъ почтипельно исправникъ. «Охъ, брапецъ, прервалъ Кирила Пепровичъ, убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего Француза не выдамъ, пока тебѣ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣришь на слово Антону Пафнушьичу, прусу и мужику: ему пригрѣзилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то же упро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова. . . .» — Французъ заспрачалъ его, ваше превосходительство, отвѣчалъ исправникъ, и взялъ съ него кляпву молчашь. — «Вранье, рѣшилъ Кирила Пепровичъ, сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ же учитель? спросилъ онъ у вошедшаго слуги. — Ни

гдѣ не найдуть-сь, опвѣчалъ слуга. «Такъ сыскашь его!», закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. «Покажи мнѣ твои хваленныя примѣны, сказалъ онъ исправнику, копорый пошчасъ и подалъ ему бумагу. Гм! гм! 25 года и проч. Оно пакъ, да это еще ничего не доказываетъ. Чшо жъ училель?» Не найдуть, былъ опять опвѣтъ. Кирила Пепровичъ начиналъ безпокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. «Ты блѣдна, Маша, замѣшилъ ей опецъ, себя перепугали?» — Нѣтъ, папенька, опвѣчала Маша, у меня голова болишь.— «Поди, Маша, въ свою комнапу и не безпокойся. Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнапу; тамъ она бросилась на постель, и зарыдала въ исперическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

Между - шѣмъ Француза не находили. Кирила Пепровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнапѣ, грозно насвиспывая: *Громъ побѣды раздавайся.* Госпи шепшались между собою; исправникъ казался въ-дуракахъ; Француза не нашли. Вѣрояшно, онъ успѣлъ скрышья, бивъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось шайною.

Било 11-ть часовъ, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Пепровичъ сказалъ сердито исправнику: « Ну что? вѣдь не до свѣшу же шебѣ здѣсь оспавашься; домъ мой не харчевня. Не съ швоимъ проворшвомъ, брашець, поймашь Дубровскаго, если ужъ эшо Дубровскій. Ошправляйся - ко во-свосяси, да впередь будь распоропнѣе. Да и вамъ пора домой, продолжалъ онъ, обрапясь къ госпямъ. Велише закладывашь, а я хочу спать. »

Такъ немилоспиво распсался Троекуровъ съ своими госпями!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семействѣ быша Кирила Пепровича.

Въ 30-ши верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ опшавной маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбаповомъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, копорой отъ-роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія, и на претій день, по своемъ пріѣздѣ, опшавлся обѣдать къ Троекурову, съ копорымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около 50-ти лѣтъ, но онъ казался гораздо спарѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печаль. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами. Онъ имѣлъ непреспанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Кирила Пепровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія опъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, спалъ угощавъ его смопромъ своихъ заведеній и повелъ на псарной дворъ. Но князь чупъ не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выпши вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Спаринный садъ, съ его сприженными липами, чешвероугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился; онъ любилъ Англійскіе сады и пакъ называемую природу; но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложитъ, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдавъ. Князь прихрамывалъ, уславъ опъ своей прогулки и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залъ встрѣшила ихъ Марья Кириловна—и спарый волокипа былъ пораженъ ся красопой.

Троекуровъ посадилъ госпя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присущствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разказами. Послѣ обѣда Кирила Пепровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шупя надъ своею подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ линѣйкѣ, съ шѣмъ, чшобъ не разлучашься съ милою своею сосѣдкою. Линѣйку заложили. Спарики и красавица съли впроемъ и потѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льспивыя и веселыя привѣщствія свѣтскаго чловѣка, какъ вдругъ Верейскій, обращясь къ Кирилѣ Пепровичу; спросилъ у него: чшо значилъ это погорѣлое строеніе, и ему ли оно принадлежилъ? Кирила Пепровичъ нахмурился; воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлой усадьбою, были ему непріятны. Онъ отвѣчалъ, чшо земля теперь его и чшо прежде принадлежала она Дубровскому. «Дубровскому? повторилъ Верейскій; какъ, этому славному разбойнику?» — Опцу его, отвѣчалъ Троекуровъ; да и опецъ-шо былъ порядочный разбойникъ.

«Куда же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ?»

— И живъ и на волѣ.

— Ксшапи, князь! Дубровскій побывалъ вѣдъ у тебя въ * * ?

« Да , прошлаго года ; онъ , кажется , что-то сжегъ или разграбилъ . Не правда ли , Марья Кириловна , что было бы любопышно познакомиться покороче съ этимъ романическимъ героемъ ?

— Что любопытнаго ! сказалъ Троекуровъ ; она знакома съ нимъ . Онъ цѣлыя при недѣли училъ ее музыкѣ , да слава Богу , не взялъ ничего за уроки . Тупъ Кирила Пепровичъ началъ рассказывать повѣсть о мнимомъ Французѣ - учителѣ . Марья Кириловна сидѣла какъ на иголкахъ . Верейскій , выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ , нашелъ все это очень спраннымъ , и перемѣнилъ разговоръ . Возвращаясь , онъ велѣлъ подавать свою карепу , и не смотря на усильныя просьбы Кирила Пепровича — оспаться ночевать , уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю . Но прежде просилъ Кирила Пепровича пріѣхать къ нему въ-госпи съ Марьею Кириловной , и гордый Троекуровъ общался ; ибо , взявъ въ уваженіе княжеское достоинство , двѣ звѣзды и 5000 душъ родоваго имѣнія , онъ до нѣкошорой спешени почипалъ князя Верейскаго себѣ равнымъ .

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

—

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирилла Пепровичъ отправился съ дочерью въ-госпи къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ * *, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ, и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроенымъ во вкусъ Англійскихъ замковъ. Передъ домомъ расплался зеленый лугъ, на коемъ паслись Швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣпилъ гостей у крыльца, и подавъ руку молодой красавицѣ. Она вошла въ великолѣпную залу, гдѣ сполъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ окну и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженные барки подъ напаянными парусами и мелькали рыбацьи лодки, сполъ выразительно

названныя душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣнiемъ галереи картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства, содержанiе, исторiю живописцевъ; указывалъ на достоинства и недоспадки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знапока, но съ чувствомъ и воображенiемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствiемъ. Пошли за споль. Троекуровъ отдавалъ полную справедливость винамъ своего Амфипріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденiя въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она шолько во второй разъ опъ-роду. После обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шеспивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторыя изъ нихъ; на одномъ находили мраморную спашую, на другомъ уединенную пещеру, на шрепьемъ памятникъ съ шайнственной надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполне

удовлетворенное учпивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркапсья. Князь, подѣ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холоспяка. Она разливала чай, слушающая неиспоцимые рассказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выспрѣтъ—и ракета освѣпила небо... Князь подаль Марьѣ Кириловнѣ шаль, позваль ея и Троекурова на балконъ. Передѣ домомъ, въ шемнопѣ, разноцвѣшные огни вспыхнули, завершѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фоншанами, посыпались дождемъ, звѣздами—угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ *tous les frais* князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Госпи опшравились въ комнашы, для нихъ опшведенныя, и на другой день, поушпру, распались съ любезнымъ хозиномъ, давъ другъ другу обѣщанія вскорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не пугалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, копорая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва пѣвпоряла безошибочно узоры подлинника; не смолпя на то, ея мысли не слѣдовали за работой — онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошкѣ пихонько пропшнулась рука, кто-то положилъ на дяльцы письмо и скрылся, прежде - нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Пешровичу. Она съ препеномъ спряшала письмо за косынку, и поспѣшила къ опцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь вспалъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ. «Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичъ. Скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватася.

Маша осполбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лице. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ее руку и съ видомъ пронумымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его счастье? Маша молчала.

«Согласна, конечно согласна, сказалъ Кирила Петровичъ; но знаешь, князь, дѣвушка трудно выговорить это слово. Ну, дыши, поцѣлуйтесь, и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

«Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ, осуши свои слезы, и воропись къ намъ веселѣшенька. Онъ всѣ плачущъ при помолвкѣ,

продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ пактъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, ш. е., о приданомъ.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою спараго князя; онъ вдругъ показался ей опврашпелымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!... Нѣтъ, нѣтъ! повпоряла она въ опчаяніи, лучше умереть, лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго... Тутъ она вспомнила о письмѣ, и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

« Вечеромъ, въ 10-ть часовъ, на прежнемъ мѣстѣ. »

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; изрѣдка подымался въперокъ, и тихій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая пѣнь, молодая красавица приближалась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще ни-

кого не было видно, вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. «Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ; вспомните ваше обѣщаніе.

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша; но не сердитесь: оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

«Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго чловѣка.

— Ради Бога, не прогайте его, не смѣйте его прогнать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса....

«Я не прощу его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ отъ жизнию. Никогда злодѣйство не будетъ свершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ же спасу васъ отъ жестокаго опца?

— Еще есть надежда: я надѣюсь пронуть его моими слезами и опчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

«Надѣетесь попустому: въ этихъ слезахъ уви-

дипть онѣ полько обыкновенную боязливоспъ и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идупть онѣ за-мужъ не по спраспи, а изъ благоразумнаго расчепса; но если возьмепть онѣ себѣ въ голову сдѣлапть счаспїе ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезупть васъ подѣ вѣнецъ, чшобъ на-вѣки предапть судьбу вашу во власпъ хилаго мужа?...

— Тогда, погда дѣлапть нечего — явивеспъ за мною — я буду вашею женою.

Дубровскій запрепепалъ; блѣдное лице покрылось багровымъ румянцемъ, и въ ту же минупу спало блѣднѣе прежняго. Онѣ долго молчалъ, понупя голову.

« Соберипеспъ со всѣми силами души, умоляйпше опца, бросьпеспъ къ его ногамъ; представьпше ему весь ужасъ будущаго, вашу молодоспъ, увядающую близъ хилаго и развращапаго спарика; скажипше, чшо богашеспво не доставиптъ вамъ и одной минупы счаспїя; роскопъ упѣшаептъ одну бѣдноспъ, и шо съ непривычки на одно мгновение; не опспавайпше опъ него, не пугайпеспъ ни его гнѣва, ни угрозъ, пока опспанеспся хопъ пѣнь надежды; ради Бога, не опспавайпше. Если жѣ не

*

будешь уже другаго средства—рѣшишься на жестокое изъясненіе: скажишь, что если онъ останется неумолимъ, то . . . то вы найдете ужасную защиту. . . .

Тутъ Дубровскій закрылъ лице руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала. . . .

«Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ. За васъ отдасть бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей, было для меня упоеніемъ; и когда открывался для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: я твой на-вѣки; бѣдный! я долженъ опсперегаться опъ блаженства, я долженъ опспалкивать его опъ себя всѣми силами! Я не смѣю пастъ къ вашимъ ногамъ и благодарить Небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того. . . но чувствую, что теперь въ сердце моемъ нѣтъ мѣста ненависти.

Онъ тихо обнялъ спрройный ея спанъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодаго разбойника — оба молчали. . . .

Время лепѣло. «Пора, сказала наконецъ Маша. Дубровскій какъ будто очнулся опъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палець кольцо. «Если рѣшишесь прибѣгнутьъ ко мнѣ, сказалъ онъ, то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлаете.»

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сваповспво князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Пепровичъ принималъ поздравленія; свадьба гоповилась. Маша день-опо-дня опмагала рѣшипельное объявленіе. Между-тѣмъ обращеніе ея со спарымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не забопился—онъ о любви не хлопопалъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшиплась дѣйствовать, и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его опказаться опъ ея руки и самому защищать се опъ власти родипеля. Она пихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ про-

цель его наединѣ и ни мало не былъ пронупть опкровенностию своей невѣспы. Напрошивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускоришь свадьбою, и для того почель нужнымъ показашь письмо будущему шесню.

Кирила Пепровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывашь Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Пепровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не шрапити времени и назначилъ бышь свадьбѣ на другой же день. Князь нашель сіе весьма бла-разумнымъ, пошелъ къ своей невѣспѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется со-временемъ заслужить ея привязанность; что мысль опрѣчься опъ нея слишкомъ для него шяжела, и что онъ не въ-силахъ согласишься на свой смершнй приговоръ. За симъ онъ почшишельно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Пепровича.

Но едва онъ выѣхалъ со двора, какъ опецъ ея вошелъ, и напрямикъ велѣлъ ей бышь гоповой на завпрашнй день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ опца. «Папенька!

закричала она жалобнымъ голосомъ, напенька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значить? сказалъ грозно Кирила Пепровичъ: до-сихъ-поръ ты молчала и была согласна; а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и опречаться. Не изволь дураться; эшимъ со мною ты ничего не выигрешь.

«Не губите меня! повторяла бѣдная Маша; за что гоните меня опть себя прочь, и опдаете человекѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу оспаться съ вами по-прежнему. Напенька! вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Напенька! не принуждайте меня: я не хочу ишши за-мужъ.

Кирила Пепровичъ былъ иронупъ, но скрываетъ свое смущеніе и опполкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше швоего, что нужно для швоего счастья. Слезы шебѣ не помогутъ; послѣзавпра будетъ швоя свадьба.

«Послѣзавпра! вскрикнула Маша. Боже мой!

Нѣтъ, нѣтъ, не возможно, этому не бытъ! Папенька, послушайте: если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? сказалъ Троекуровъ, угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня спрашивать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ эпопъ защитникъ?

«Владиміръ Дубровскій, опвѣчала Маша въ опчаяніи.

Кирила Пѣтровичъ подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.—Добро! сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія, жди себя, кого хочешь, въ избавители, а покаместъ сиди въ эпопй комнастѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы. Съ эскимъ словомъ Кирила Пѣтровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавишься опъ

ненавистнаго брака ; участь супруги разбойника казалась для нея расмъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей установленнымъ: Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно желала она увидѣться съ нимъ наединѣ, и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посовѣтовалась. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ. Какъ только стало смеркаться, Маша приготовилась; но дверь ея заперта на-ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Пепровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко, и до глубокой ночи сидѣла не раздваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтъ она задремала; но шонкой сонъ ея былъ сопряженъ печальными видѣніями, и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась, и съ первою мыслию предсавился ей весь ужась ея положенія. Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Пепровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускашь ее изъ ея комнаты и смотришь за шѣмъ, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ пригоповленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не оплучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кіриловну и снова заперла двери.

Ея слова ожеспочили молодую заповорницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дашь знать обо всемъ Дубровскому и спа-

ла искашь способа опсправить кольцо въ дупло завѣшнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидѣла маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. «Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?—Я пришелъ, сестрица, узнать опъ васъ, не надобно ли вамъ чего-нибудь. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но величе мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

« Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?

— Знаю, сестрица.

« Такъ, если ты меня любишь, сбѣгай шуда поскорѣй, и положи вопъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ при минушы очутился у завѣшнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь,

оглянулся во всё спороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хоптъль онъ пошъ же часъ донесши о шомъ Маръѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быспрѣ бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

«Что пы здѣсь дѣлаешь?» сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? опшѣчалъ мальчишка, спараясь опъ него освободиться.

«Осыпавъ эпо кольцо, рыжій, кричалъ Саша, или я проучу тебя по-свойски.

Вмѣсто опшѣша, пошъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ, и закричалъ во-все горло: воры, воры! сюда, сюда!

Мальчишка силился опъ него опдѣлаться. Онъ былъ, по-видимому, двумя годами спарѣ Саша, и гораздо его сильнѣе, но Саша былъ увершливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на-земь и схватилъ его за горло. Но въ эпо время

сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щепиниспые волосы и садовникъ Степанъ приподнял его на полъ-аршина опъ земли.

«Ахъ, шы рыжая беспія, говорилъ садовникъ, да какъ шы смѣешь бить маленькаго барина?»

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.—Ты меня схватилъ подъ мышки, сказалъ онъ, а по бы никогда меня не повадилъ. Опдай сейчасъ кольцо и убирайся.

— Какъ не пакъ, опвѣчалъ рыжій, и вдругъ перевернувшись на одномъ мѣспѣ, освободилъ свои щепины опъ руки Степановой. Тупъ онъ пустился-было бѣжать, но Саша догналъ его, полкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ, и связалъ кушакомъ.

«Опдай кольцо! кричалъ Саша.

— Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ, мы сведемъ его на расправу къ прикацику.

Садовникъ повелъ плѣнника на барской дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ

поглядывая на свои шаровары, разорванщія и замаранныя зеленью. Вдругъ всѣ шрое очутились передъ Кирилою Пепровичемъ, идущимъ осматриваешь свою конюшню.

« Эпо что? спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Пепровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

«Ты, повѣса, сказалъ онъ, обращай къ Сашѣ, за-что ты съ нимъ связался?

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажише опдать кольцо.

« Какое кольцо? изъ какого дупла?

— Да мнѣ Марья Кириловна... да шо кольцо... Саша смутился, спушался. Кирила Пепровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою: шупшь замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или шакъ опдеру шебя розгою, что ты и своихъ не узнаешь.

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

« Спепанъ! спупай-ка, да сръжь мнѣ хорошенькую, свѣжую, березовую розгу.

— Поспойте, папенька, я все вамъ расскажу. Я сегодня, бѣгалъ по двору, а сесприца Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сесприца ненарочно уронила кольцо, а я спрячалъ его въ дупло, и... и... эпопъ рыжій мальчикъ хопѣлъ кольцо украспъ.

« Ненарочно уронила, пы хопѣлъ спряпашъ... Спепанъ! спупай за розгами.

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сесприца Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгашъ къ дубу и положишъ кольцо въ дупло, я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а эпопъ скверный мальчикъ....

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: чей пы?

— Я дворовой человекъ господъ Дубровскихъ, опшѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Пепровича омрачилось. Ты, кажешся, меня господиномъ не признаешь — добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду?

— Малину кралъ.

«Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, шаковъ и приходъ; а малина развѣ распеть у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?»

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажите ему опдашь кольцо, сказалъ Саша.

«Молчи, Александръ! отвѣчалъ Кирила Пепровичъ; не забудь, что я собираюсь съ тобою раздѣлаться. Спупай въ свою комнапу. Ты, ко-сой, ты мнѣ кажешься малый не-промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я шебя не высѣку и дамъ еще пятакъ на орехи. Опдай кольцо и спупай.» Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. «Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!»

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и сіпоялъ по-супя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

«Добро! сказалъ Кирила Пепровичъ, запереть его куда-нибудь, да смотрѣть, чпобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.

Степанъ опвелъ мальчика на голубяшню, заперъ его шамъ и приспавилъ смотрѣть за нимъ старую пшичницу Агаею.

Тупъ нѣтъ никакого сомнѣнiя — она сохранила сношенiя съ проклятымъ Дубровскимъ. Но если и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь, думалъ Кирила Пепровичъ, расхаживая по комнатамъ и сердито насвистывая громъ побѣды раздавайся. Я по-крайней-мѣрѣ нашелъ на его горячiе слѣды, и онъ опъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ. . . . Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.

Между-тѣмъ пележка въѣхала на дворъ, и знакомый намъ исправникъ вошелъ въ комнату весь запыленный.

«Славная вѣсть! сказалъ Кирила Пепровичъ: я поймалъ Дубровскаго.

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

«То естъ , не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведуть. Онъ намъ пособишь поймашъ самого апамана. Воптъ его и привели.

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ 13-ти-лѣтняго мальчика, довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилъ Пешровичу и ждалъ объясненія. Кирила Пешровичъ спалъ шуптъ же рассказываетъ, не упоминая однако жъ о Марьѣ Кириловнѣ, упреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминупно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что дѣлалось около него.

«Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ. Кирила Пешровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опяшь въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

«Баринъ хоптъль, сказалъ ему исправникъ, по-

*

садить себя въ городской острогъ, выспагать плетью и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за себя и выпросилъ себя прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

«Благодари же барина, сказалъ исправникъ. Мальчикъ подошелъ къ Кирилъ Петровичу и поцѣловалъ у него руку.

«Сступай себя домой, сказалъ ему Кирилла Петровичъ, да впередъ не крадь малины по дупламъ.

Мальчикъ вышелъ, весело спрыгнулъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле къ Киспеневу. Добѣжавъ до деревни, онъ ошановился у полу-развалившейся избушки, первой съ краю и постучалъ въ оконико. Окошко поднялось и старуха показала. «Бабушка, хлѣба! сказалъ мальчикъ, я съ ушра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.—Ахъ! эшо ты, Митя; да гдѣ жъ пропадалъ, бѣсепокъ? отвѣчала старуха.

«Послѣ разскажу, бабушка; ради Бога хлѣба!— Да войди въ избу. «Не-когда, бабушка; мнѣ надо спѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа,

хлѣба. — Экой непосѣдъ, проворчала спаруха; на, вопъ шебъ ломошь — и сунула въ окно ломошь чернаго хлѣба. Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться; Мишя пробирался овинами и огородами въ Киспеневскую рощу. Дошедши до двухъ сосенъ, споящихъ передовыми спражами рощи, онъ оспановился, оглядѣлся во всѣ спороны, свѣснулъ свистомъ пронзительнымъ и опривисто — и спалъ слушать; легкой и продолжительный свистъ посышался ему въ опвѣтъ; кто-шо вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залу, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суешились. На дворъ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея помно клонилась подъ тяжестію брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь въ зеркало. «Скоро ли? раздастся у дверей голосъ Кирилы Петровича.—Сію минушу! отвѣчала дама. Марья Кириловна, вспаньше, посмотрипесь, хорошо ли? Марья Кириловна вспала и не отвѣчала ничего. Двери опворились.—Нсвѣста гошова, сказала дама Кирилъ Петровичу, прикажите подавать карешу. «Съ Богомъ! отвѣчалъ Кирила Псп-

ровичъ, и взявъ со спола образъ — подойди ко мнѣ, Маша, сказалъ онъ ей пронупымъ голосомъ, благословляю тебѣя... Бѣдная дѣвушка упала ему въ-ноги и зарыдала. Папенька.... папенька.... говорила она въ-слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Пешровичъ спѣшилъ ее благословишь; ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженная машь и одна изъ служанокъ. Они поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ навстрѣчу невѣспы, и былъ пораженъ ея блѣдноспію и спраннымъ видомъ. Они вмѣспѣ вошли въ холодную, пуспую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алшаря и пошчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самага ушра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минушпу ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медмила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣща, произнесъ невозвращимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ, она чувспвовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льспивыя поздравленія присутспвующихъ, и все еще не могла повѣришь, что жизнь ея была на-

вѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперни толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ * *, куда уже Кирилла Пепровичъ отправился прежде, дабы воспрѣпятъ шамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не смалъ докучать ей припорными изъясненіями и смѣшными воепоргами; слова его были проспы и не пребовали опвѣшовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не касалась на своихъ Англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полу-маскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: «вы свободны! выходите.—Что это значить? закричалъ князь; кто ты такой? ... Это Дубровскій, отвѣчала княгиня. Князь, не шеря присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскировавшаго разбойника. Княгиня вскрикнула, и съ

ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо, — кровь побилаась. Князь, не теряя ни минушы, вынулъ другой пистолешъ. Но ему не дали времени выспрѣлишь: дверцы распворились и нѣсколько сильныхъ рукъ выпащили его изъ карешы и выхващили у него пистолешъ. Надъ нимъ засверкали ножи. «Не прогащъ его! закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники опспутили. «Вы свободны! продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.— Нѣшъ! опвѣчала она, поздно, я обвѣчана, я жена князя ***. «Что вы говорише! закричалъ съ опчаяніемъ Дубровскій; нѣшъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласишься. . . .— Я согласилась, я дала кляпву, возразила она съ пвердоспю. Князь мой мужъ, прикажише освободишь его, и оставыше меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минушы. . . . но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пуспите насъ. — Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказашь имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, шрепшій взялъ лошадь подъ успщы — и все поѣхали въ-спорону,

оставя карешу посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей оппряженныхъ, но не разграбля ничего и не проливъ ни единой капли крови, въ отмщенье за кровь своего ашамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за коими находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, коихъ, по разнообразію одежды и по общему вооруженію, можно было поспѣшь признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около брагскаго кошла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вспавлялъ заплашку въ нѣкоторую часть своей одежды, владея иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго поршняго, и поминутно посмапривалъ на всѣ спороны.

Хотя нѣкопорый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ сей шолпѣ; разбойники ошобѣ-

дали; одинъ послѣ другаго вснавалъ и молился Богу; пѣвкопюрые разошлись по шалахамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по Русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, опряхнулъ свою ружьядь, полюбовался заплашою, приколотъ къ рукаву иголку, сълъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую спаринную пѣсню :

Не шуми ты, мать зелена дубровушка.

Въ это время дверь одного изъ шалапей опворилась, и спаруха въ бѣломъ чепцѣ, опряжно и чопорно одѣтая, показала у порога. « Полно тебѣ, Спенка, сказала она сердито; барниъ почиваетъ, а ты знай горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.—Виноватъ, Пепровна, опвѣчалъ Спенка; ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, нашъ бапюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ. Спарушка ушла, а Спенка спалъ расхаживать по валу.

Въ шалапѣ, изъ котораго вышла спаруха, за перегородкой, рапный Дубровскій лежалъ на холодной кровати. Передъ нимъ, на сполникѣ, лежали его испомены, а сабля висѣла въ головаль.

Землянка усплана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный пуалепъ и шрюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрышы. И спарушка, поглядывающая на него изъ-за цегородки, не могла знашь, заснулъ ли онъ или полько задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась превога, и Спенка просунулъ къ нему голову въ окошко. Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! закричалъ онъ, наши знакъ подаюшь, насъ ищущъ. Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворъ; при его появленіи наспало глубокое молчаніе. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій.— Всѣ, кромѣ дозорныхъ, опвѣчали. «По мѣспамъ! закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣспо. Въ сіе время шрое дозорныхъ прибѣжали къ воропамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ навспрѣчу. «Что шакое?» спросилъ онъ. — Солдашы въ лѣсу, опвѣчали они, насъ окружаюшь. Дубровскій велѣлъ заперешъ воропа и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и спаи приближались. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ шри или чепыре

солдапа показались изъ лѣсу, и поспѣшь подались назадъ, выспрѣлами давъ знашь поваричамъ. «Гоповипься къ бою! сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все упихло. Тогда услышали шумъ приближающейся команды, оружія блеснули между деревьями, человекъ полпороспа солдапъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ успремились на валъ. Дубровскій приспавилъ фишиль: выспрѣлъ былъ удаченъ—одному отпорвало голову, двое были ранены. Между солдапами произошло смященіе; но офицеръ бросился впередъ, солдапы за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выспрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ, и спали съ шопорами въ рукахъ защищають валъ, на которъй лѣзли остервенѣлые солдапы, оставя во рву человекъ двадцать раненыхъ поваричей. Рукопашный бой завязался. Солдапы уже были на валу—разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приспавилъ ему пистолеть къ груди и выспрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничъ, нѣсколько солдапъ подхватали его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишася начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минуною недоумѣнія, смяли ихъ, спѣсними въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ успре-

мились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разспройство непріятеля, оспановилъ своихъ, и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ оплучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обрапили уже не на шушку вниманіе правительства на дерзновенные разбой Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Осправлена была рота солдатъ, дабы взять его мертваго или живаго. Поймали нѣсколько человекъ изъ его шайки и узнали опъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оспавить; совѣщывалъ и имъ переменить образъ жизни. «Вы разбогачили подѣ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь опдаленную губернію и тамъ провести опальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники, и вѣроятно не захотите оспавить ваше ремесло. Послѣ сей рѣчи онъ оспавилъ ихъ, взявъ съ собою одного * *. Никто не зналъ куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинъ сихъ показаній — приверженность разбой-

никовъ къ ашаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

« Quel est cet homme? » На, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. « Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte. »

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Пепербурга. Ему не было еще придцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэпомъ, а въ лакейскихъ сочинилелемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться: кроме

*

права ставитъ винипельный падежъ вмѣсто родипельнаго, и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ поэтическихъ вольноспей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за Русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ-бы по ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратился ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разсироенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно что-нибудь сочиняетъ! Влюбился ли онъ: красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегій. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакому поговорить о важномъ дѣлѣ: тотъ уже кличетъ своего сына и заспавляетъ чинитъ стихи такого-то; и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла!

Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣспствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей брашна-липерашпоровъ и предпочипалъ имъ свѣшскихъ людей, даже самыхъ проспыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался липерашпуры. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суевѣріемъ молодаго Москвича, въ первый разъ отъ-роду пріѣхавшаго въ Пспербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по споламъ и подъ сполами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе мешлы и щелки. Чарскій былъ въ опчаяннн, если кто-нибудь изъ свѣшскихъ его друзей заспавалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрнпъ, до какихъ мелочей могъ доходить человекъ, одаренный впрочемъ талантомъ и душою. Онъ прикидывался по спраспнымъ охощ-

никомъ до лошадей, по опчаяннымъ игрокомъ, по самымъ тонкимъ гаспрономомъ, хопя никакъ не могъ различить горской породы опъ арабской, никогда не помнилъ козырей и вшайнъ предпочипалъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣпеніямъ Французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; порчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ объѣдахъ, и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однако жъ онъ былъ поэпъ, и страспъ его была неодолима. Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ упра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что полько погда и зналъ испинное счастье. Оспальное время онъ гулялъ, чинясь и припворяясь, и слыша поминупно славный вопросъ: не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?

Однажды упромъ Чарскій чувспвовалъ по благодатное расположеніе духа, когда мечпанія явспвенно рисующя передъ вами, и вы обрѣпаешя живыя, нежданная слова для воплощенія ихъ видѣній, когда спихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучныя рифмы бѣгутъ навспрѣчу спройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою

въ сладоспное забвеніе... и свѣпъ, и мелочи свѣпа, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова челоѡка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился. *Кто тамъ?* спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго роспу, худоцавъ и казался лѣпъ придцапи. Черпы смуглага его лица были выразипельны: блѣднѣй, высокій лобъ, осѣнненѣй черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣпнія (хотя на дворъ спояла уже глубокая осень); подъ испертымъ чернымъ галспухомъ на желповашой манишкѣ блестялъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалась, видала и ведро и ненастье. Вспрѣпясь съ этимъ челоѡкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ общеспвѣ за полипическаго заговорщика; въ передней за шарлапана, шоргующаго элексирами и мышьякомъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ его Чарскій на Французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ по-Ипальянски иностранецъ съ низкими поклонами, проспитте меня великодушно, если

Чарскій не предложилъ ему спуга и вспалъ самъ; разговоръ продолжался на Ипальянскомъ языкѣ.

— Я Ипальянской художникъ, говорилъ незнакомый; обстоятельство принудили меня оставить отечество; я прѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что Ипальянецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозитъ по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ: Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести щеславію Чарска-

го оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ съсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ. «Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ прудомъ удерживая свое негодованіе.

Ипальянецъ замѣшилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь, я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзостію...

«Что вамъ угодно?» повпорилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа спавятъ за честь оказывать всевозможное покровительство, шакому превосходному поэту, отвѣчалъ Ипальянецъ, и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

«Вы ошибаешься, signor, прервалъ его Чарскій. Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, пѣтъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ обор-

ванныхъ аббашовъ, копорыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно вамъ сказали въ - шутку, будто я великій стиховорець. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стиховорцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.

Бѣдный Ишальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, распавленныя на гошическихъ эпажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ Кипайскомъ халатѣ, опоясанномъ Турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кофующимъ арпистомъ, въ испертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ—ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выпши. Жалкій видъ его пронузъ Царскаго, копорый, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ успыдился раздражительности своего самолюбія.

«Куда жъ вы?» сказалъ онъ Ишальянцу. По-

спойте. .. Я долженъ былъ опклонить опъ себя незаслуженное шило и признаюсь вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ шолько будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

— Нѣтъ, Ессезенза! отвѣчалъ Ипальянецъ я бѣдный импровизаторъ.

«Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій схватилъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Ипальянца. Онъ просподушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обспояпельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

«Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общепство никогда еще не слышало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, Ипальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ

не поймушь; но эшо не бѣда; главное, чшобъ вы были въ модѣ.»

— Но если у васъ никшо не понимаетъ Ишальянскаго языка, сказалъ призадумавшись импровизаторъ, кшо жъ поѣдешь меня слушань?

«Поѣдушъ, не опасайшесь, иные изъ любителейшства, другіе, чшобъ провести вечеръ какъ-нибудь, трепши, чшобъ показанъ, чшо понимаютъ Ишальянскій языкъ; повпоряю, надобно шолько, чшобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ — вопъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково распался съ импровизаторомъ, взявъ себѣ его адресъ, и въ шощъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопошанъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

На другой день Царскій въ темномъ и нечисломъ корридорѣ трактира опыскиваетъ 55-й номеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній Ипальянецъ отворилъ ее. «Побѣда! сказалъ ему Царскій, ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня * * даетъ вамъ свою залу; вчера на раупѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ, если не за триумфъ, по - крайней - мѣрѣ за барышъ . . . »

— А это главное, вскричалъ Ипальянецъ, изъясняя свою радость живыми движеніями, собственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы

мнѣ поможете. *Contra di Vasso!* Вы поэтъ, такъ же какъ и я; а, что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъясню вамъ мою благодарность? Постойте.... хопните ли выслушать импровизацію? —

«Импровизацію!... развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?»

— Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ, вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій.... Садитесь гдѣ-нибудь и задайте мнѣ пему.

Чарскій сѣлъ на чемоданъ (изъ двухъ спульевъ, находившихся въ пѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со спѣсны гипару и спалъ передъ Чарскимъ, перебирая струны коспливыми пальцами и ожидая его заказа.

«Воптъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: *Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пьесъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.*»

Глаза Ипальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько акордовъ; гордо поднялъ голову, и пылкіе спихи — выраженія мгновеннаго чувства — спройно излепали изъ устъ его. . . . Вошь они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго *

Ипальянецъ умолкъ. . . . Чарскій молчалъ, изумленный и распроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ, каково?

«Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. «Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже спала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣли, развивали ее беспрепятственно. И пакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни эпого безпокойства, кощорое предшесвуесть вдохновенію? Удивительно, удивительно! . . . »

* Этого перевода не нашлось въ рукописи.

Импровизаторъ отвѣчалъ: «Всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера, и выводитъ его на свѣтъ рѣзцемъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя рифмами, разбѣренная спройными, однообразными споами? Неизъяснимо! Никпо, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эпу быспрошу впечатлѣній, эпу пѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшней волей; но и самъ онъ щепно хопѣлъ бы высказать тайну свою словами. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между-тѣмъ не оспался въ накладѣ? Говорятъ, *la Signora Catalani* брала по 25 рублей? Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конпорщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость, и пустился съ Ипальянцемъ въ меркантильные расчеты. Ипальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опрокинулъ Чарскому, копо-

рый поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсемъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный Испальянецъ не замѣтилъ этой перемены, и проводилъ Царскаго по корридору и по лестницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала княгини * * отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; спулья распавлены въ двенадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ споликомъ, для продажи и приѣма билетовъ, сидѣла старая долгоногая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда спояли жандармы. Публика начала собираться. Царскій прѣѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія, и хопѣлъ видѣть импровизатора, чпобѣ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ Ипальянца въ боковой комнатѣ, съ непер-

пвнїемъ посматривающаго на часы. Ппальянецъ одѣтъ былъ шаепрально. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воропникъ его рубашки былъ откинуптъ; голая шея своею спранной бѣлизною ярко опдѣлялась опть густой и черной бороды; волоса оппущенными клоками осѣняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, копорому неприяпно было видѣть поэша въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ корошкаго разговора, возврапился въ залу, копорая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды кресель были заняты блестящими дамами; мужчины спѣсенной рамою спали у подмоспковъ, вдоль спѣнть; за послѣдними спульями музыканты, съ своими пюпипрами, занимали обѣ спороны подмоспковъ. Посреди спюля на споль фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ неперпвнїемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ осьмага музыканты засуетились, пригопювили смычки и заиграли увершюру изъ Танкреда. Все усѣлось и примолкло. Послѣднїе звуки увершюры прогремѣли. . . . Импровизаторъ, вспрѣченнй оглушипельнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ споронъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмоспковъ.

Чарскїй съ безпокойспвомъ ожидалъ, како

впечатлѣніе произведенія первая минуша; но онъ замѣнилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику: самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ Ипальянецѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ; говоръ умолкъ. . . . Ипальянецъ, изъясняясь на плохомъ Французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣпителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Ипальянецъ, подождавъ немного, повпорилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дамскихъ головокъ обратилось къ нему и стали вызывать его сперва въ-полголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ опыскалъ его глазами у своихъ ногъ, и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играющъ роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно, но дѣлать было нечего; онъ взялъ карандашъ и бу-

магу изъ рукъ Итальянца, и написалъ нѣсколько словъ; Итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Царскому, который бросилъ въ нее свою шему. Его примѣръ подѣйствовалъ; два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по шемъ; секретарь Неаполитанскаго посольства, и молодой человекъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, бредя о Флоренці, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей мащери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по-Итальянски, и покраснѣвъ по-уши, отдала ихъ импровизатору, между-тѣмъ, какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ, и спалъ вынимая бумажки одну за другой, читая каждую вслухъ.

Семейство Ченчи. (*La famiglia del Cenci*).
L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta d'una prigione. Il trionfo di Tasso.

«Что прикажетъ почтенная публика?» спросилъ смиренный Итальянецъ; назначить ли мнѣ

сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоспавитъ рѣшить это жребію? . . . »

Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть пему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды спульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, шупъ сидѣвшихъ, не пронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, спрадалъ. . . . Вдругъ замѣпилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю второго ряда. Она встала безо всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку, и вынула свертокъ. «Извольте развернуть и прочитать» сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: *Cleopatra e i suoi amanti*. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царствовала такая тишина, что все ихъ слышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глу-

бокой благодарности, и возвратился на свои подмостки. «Господа! сказалъ онъ обращаясь къ публикѣ, жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизации Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, *perche la grande regina ha véva molto?* . . .»

При сихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился. «Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ, на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему? . . . Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.»

Никто не спорился отвѣчать. Нѣсколько дамъ оборотили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей мапери. Бѣдная дѣвушка замѣшила это неблагоклонное вниманіе, и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ. . . . Царскій не могъ этого вынести, и обращаясь къ импровизатору, сказалъ ему на Испальянскомъ языкѣ: тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что

нашлись обожатели, копорыхъ такое условіе не испугало и не отвратило.... Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ.... Не выберете ли вы другаго?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога.... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лице его страшно поблѣднѣло; онъ зашепталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, оперъ плашкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь.... музыканты умолкли.... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
 Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
 Царица голосомъ и взоромъ
 Свой пышный оживляла пиръ.
 Сердца неслись къ ея престолу;
 Но вдругъ надъ чашей золотой
 Она задумалась, и долу
 Поникла дивною главой...

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
 Безмолвны гости; хоръ молчитъ.
 Но вновь она чело подымлетъ
 И съ видомъ яснымъ говоритъ:

Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить . . .
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановишь.
Кто къ торгу страстному приступишь?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купить
Цѣною жизни почъ мою?

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца — —
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ. . . .
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ Римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.

За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
 Рожденный въ рощахъ Эпикура,
 Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
 Харить, Киприды и Амура.
 Любезный сердцу и очамъ,
 Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
 Послѣдній имени вѣкамъ
 Не передалъ. Его ланиты
 Пухъ первый вѣжно отбнялъ;
 Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
 Страстей неопытная сила
 Кипѣла въ сердцѣ 'молодомъ. . . .
 И съ умиленіемъ на немъ
 Царица взоръ остановила.

Клянусь о, мать наслажденій,
 Тебѣ неслыханно служу:
 На ложе страстныхъ искушеній
 Простой наемницей схожу.
 Вземли же, мощная Киприда,
 И вы, подземные цари
 И боги грознаго Аида,
 Клянусь, до утренней зари
 Моихъ властителей желанья
 Я сладострастно утолю,
 И всѣми тайнами лобзанья
 И дивной вѣгой утомлю.
 Но только утренней порфирой
 Аврора вѣчная блеснетъ,
 Клянусь, подъ смертною съкирой
 Глава счастливецъ отпадетъ.

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курится легкій ѳиміамъ:
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ:
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блитсяетъ ложе золотое.

.

С Ц Е Н Ы

ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

С Ц Е Н Ы

ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

І.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

МАРТЫНЪ.

Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго терпѣлъ швой проказы, но долѣе терпѣшь не намѣренъ. Уймись, или худо будешь.

ФРАНЦЪ.

Помилуй, отецъ! зачщо ты на меня сердишься? Я, кажешся, ничего не дѣлаю.

МАРТЫНЪ.

Ничего не дѣлаю! по-шо и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнивещъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо копшишь. Начшо ты надѣешься? На мое

богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ 14 лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руки, да два полчка въ спину, да примовилъ: ступай-ка, Мартынъ, самъ кормишься, а мнѣ и безъ тебя тяжело. Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ и деньги и честное имя — а чѣмъ? бережливостію, перпѣніемъ, прудолюбіемъ. Вопъ ужъ мнѣ и за 50, и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги и весь домъ. А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, копорые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ повары. Я знаю тебя: ты стыдишься своего сословія. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не опспанешь опъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видить Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наследникомъ назначу Карла Герца; моего подмасперья.

ФРАНЦЪ.

Твоя воля, отецъ! дѣлай, какъ хочешь.

МАРТЫНЪ.

То-то же, смотри.

(Входитъ братъ Бертольдъ).

МАРТЫНЪ.

Вопшь и другой сумасбродъ. Зачьмъ пожаловаль?

БЕРТОЛЬДЪ.

Здравспвуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

МАРТЫНЪ.

Нужда! Опяшь денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Да . . . не можешь ли одолжить полтораспагульденовъ?

МАРТЫНЪ.

Какъ не шакъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

МАРТЫНЪ.

Какъ не пропадшія? Мало ли я тебѣ передавалъ? Куда онѣ дѣлись?

БЕРТОЛЬДЪ.

Въ дѣло пошли; но теперъ прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

МАРТЫНЪ.

Объ энихъ послѣднихъ разяхъ я слышу ужъ не въ первый разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Нѣтъ, право. Последній мой опытъ не удался опятъ бездѣлицы; теперь ужъ я все рассчиталъ: опытъ мой не можетъ не удался.

МАРТЫНЪ.

И это я слышу не впервые.

БЕРТОЛЬДЪ.

Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не поперай случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

МАРТЫНЪ.

Эхъ! Бертольдъ, Бертольдъ! Если бы ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ бы богатъ. Ты сумишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Золото мнѣ не нужно, я ищу одной истины.

МАРТЫНЪ.

А мнѣ чортъ ли въ истинѣ? мнѣ нужно золото.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

МАРТЫНЪ.

Не могу и не хочу.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ прощай же, сосѣдъ.

МАРТЫНЪ.

Прощай.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пойду къ барону Раулю: авось дасшь онъ мнѣ денегъ.

МАРТЫНЪ.

Баронъ Рауль? Да гдѣ взяшь ему денегъ? Вассалы его разорены. А, слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не шакъ - по легко наживашься.

БЕРТОЛЬДЪ.

Я думаю, у него деньги ешь, пошому - что у герцога зашъваеяся шурниръ, и баронъ шуда опправляеяся. Прощай.

МАРТЫНЪ.

И ты думаешь, дасшь онъ тебѣ денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Можешь бышь, и дасшь.

МАРТЫНЪ.

И ты упошребишь ихъ на послѣдній опышь?

*

БЕРТОЛЬДЪ.

Непремѣнно.

МАРТЫНЪ.

А если опытъ не удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Нечего будетъ дѣлать. Если и опопъ опытъ не удастся, по алхимія вздоръ.

МАРТЫНЪ.

А если удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностію всѣ суммы, коиорыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую шайну.

МАРТЫНЪ.

Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

БЕРТОЛЬДЪ.

И радъ бы, да не могу: ны знаешь, что я общаюся Пресвятой Богородицѣ раздѣлилъ мою шайну съ тѣмъ, кто поможеть мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

МАРТЫНЪ.

Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряшья. Куда же ты? Постой: ну, шакъ и бышь, на эпомъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ-зай-

мы. Богъ съ побою! Но смопри жъ, сдержи свое слово: пусшь эпошь опышь будешъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

ВЕРТОЛЬДЪ.

Не бойся, другаго ужъ не понадобится.

МАРТЫНЪ.

Погоди же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу.. сколько бишь тебѣ надобно?

ВЕРТОЛЬДЪ.

Полпораста гульденовъ.

МАРТЫНЪ.

Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крупныя времена!

ВЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

ВЕРТОЛЬДЪ.

Здравствуй, Францъ, о чемъ ты задумался?

ФРАНЦЪ.

Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наследства.

БЕРТОЛЬДЪ.

За что это?

ФРАНЦЪ.

За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

БЕРТОЛЬДЪ.

Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

ФРАНЦЪ.

Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не все мы произошли отъ Адама?

БЕРТОЛЬДЪ.

Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже это-му давно: Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависъ.

ФРАНЦЪ.

Виноватъ ли въ томъ, что не люблю своего сословія, что честь для меня дороже денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Всякое сословіе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ шой и другой, когда оспавляемъ то сословіе, въ копоромъ родились: дво-

рянинъ воюешъ и красуешся, мѣщанинъ прудишся и богащѣешъ; рыцарь на конѣ почпенъ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни; но ему неприлично счипахъ барыши. Купца почипаешъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

МАРТЫНЪ (*входитъ*).

Вопъ тебѣ полпораспа гульденовъ; смопри же, пѣшу тебѣ въ послѣдній разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Благодаренъ, очень благодаренъ, не будешъ раскаявашся.

МАРТИНЪ.

Ну, а если опытъ пвой тебѣ удашся, и у тебѣ будешъ и золоша и славы вдоволь, будешъ ли ты спокойно наслаждашся жизнью?

БЕРТОЛЬДЪ.

Займусь еще однимъ изслѣдованіемъ: мнѣ кажешся, еспъ средство опкрытъ *perpetuum mobile*.

МАРТЫНЪ.

Что такое *perpetuum mobile*?

БЕРТОЛЬДЪ.

Perpetuum mobile *вѣчное движеніе*. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ пвор-

честиву человеческому... Видишь ли, добрый мой Мартынь: дѣлать золото — задача заманчивая, открытіе можешь быть любопытное, и выгодное; но найми *perpetuum mobile*... о!...

МАРТЫНЬ.

Убирайся къ чорту съ твоимъ *perpetuum mobile*... Ей-Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ шерпѣнія выведешь. Ты пребуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

БЕРТОЛЬДЪ.

Экой онъ брюзга.

МАРТЫНЬ.

Экой онъ сумасбродъ.

III.

ФРАНЦЪ (одинъ).

Чортъ побери наше состояніе! опець у меня богашъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча, да заржавѣвшаго шлема, счаспливѣе и почепнѣе опца моего: опецъ мой сываетъ передъ нимъ шляпу, а попъ и не сморигъ на него. Деньги! Потому-что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не шагъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй опець введи меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны, на по еспъ мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по-мнѣ лучше быть послѣднимъ минспремемъ: эпого, по-крайней-мѣрѣ въ замкъ принимающъ; госпожа слушаетъ его пѣс-

ни, наливаешъ ему чашу и подносишъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, счишаетъ, счишаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: «*Ей-Богу, сударь, самый лучший товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.*—Врешь пы, жидъ.—«*Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣрляю . . . Чеспью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счесами, онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово—ему вѣрятъ.*

Да развѣ это жизнь? Чортъ се побери! Пойду лучше въ минспрели. Однако что это сказалъ баронъ? Турниръ въ . . и шуда ѣдетъ баронъ . . ахъ, Боже мой! памъ будеть и Клопильда. Дамы обсядутъ кругомъ, шрепеща за своихъ рыцарей; шрубы зашрубятъ, вышунятъ герольды, рыцари, объдутъ поле, преклоня копы предъ благосклонной красавицей. Трубы опятъ зашрубятъ, рыцари разѣдутся, помчатся другъ на друга . . дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыи на шурниръ, никогда герольдъ не возгаситъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клопильда не ахнетъ . . Деньги! кабы зналъ онъ, какъ ры-

цари презирають насъ, не смотря на наши деньги...

АЛЬБЕРТЬ (*входитъ*).

А! эшо Францъ, на кого ты раскричался?

ФРАНЦЪ.

Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

АЛЬБЕРТЬ.

А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

ФРАНЦЪ.

Я думалъ, какъ бы мнѣ попасъ на турниръ.

АЛЬБЕРТЬ.

Ты хочешь попасъ на турниръ?

ФРАНЦЪ.

Точно шакъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣспо?

ФРАНЦЪ.

Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Опъ чего жъ онъ умеръ?

АЛЬБЕРТЬ.

Ей-Богу не знаю. Въ пяпницу онъ былъ здо-

ровѣшенекъ; вечеромъ воропился я поздно (я былъ въ-госпяхъ и порядочно подпилъ), Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится, по щекъ, а можешь - быть и въ високъ, однако нѣтъ: точно по щекъ; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ — умрѣ.

ФРАНЦЪ.

Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

АЛЬБЕРТЬ.

На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что же, хочешь быть моимъ конюшимъ?

ФРАНЦЪ (*почесывается*).

Вашимъ конюшимъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Что жъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря какъ я, не шулка. Со-временемъ, какъ знашь, тебя посвясимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

ФРАНЦЪ.

И я буду жить у васъ въ замкѣ?

АЛЬБЕРТЪ.

Конечно. Ну, согласенъ чпо ли?

ФРАНЦЪ.

Вы не будете давашь мнѣ пощечинъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; а хопя и случится такой грѣхъ, чпо за бѣда? не всѣ жъ конюшіе убишы до смерти.

ФРАНЦЪ.

И по правда: коли случится такой грѣхъ, посмотришь, кшо кого...

АЛЬБЕРТЪ.

Чпо.. чпо шы говоришь? я тебя не понялъ.

ФРАНЦЪ.

Такъ, я думааъ самъ про себя.

АЛЬБЕРТЪ.

Ну, чпо же? соглашайся!

ФРАНЦЪ.

Извольте, согласенъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Нечего было и думаать. Доспанъ же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

—

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

КЛОТИЛЬДА.

Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

БЕРТА.

О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

КЛОТИЛЬДА.

О какомъ рыцарѣ?

БЕРТА.

О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

КЛОТИЛЬДА.

О Рошенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о

немъ; вопшь уже двѣ недѣли, какъ мы возврапились, а онъ и не думалъ прѣѣхашь къ намъ; эшо съ его спороны неучпивость.

БЕРТА.

Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завпра.

КЛОТИЛЬДА.

Почему ты такъ думаешь?

БЕРТА.

Потому - что я его во снѣ видѣла.

КЛОТИЛЬДА.

И, Боже мой! Эшо ничего не значить; я всякую ночь вижу его во снѣ.

БЕРТА.

Эшо совсѣмъ другое дѣло, вы въ него влюблены.

КЛОТИЛЬДА.

Я влюблена! Прошу пуспяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ-нибудь другомъ.

БЕРТА.

О комъ же? О конюшемъ брапца, объ Францѣ?

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуй, говори мнѣ хошь о Францѣ.

БЕРТА.

Вообразите, сударыня, что онъ опъ васъ безъ ума.

КЛОТИЛЬДА.

Францъ опъ меня безъ ума? Кто тебѣ это сказалъ?

БЕРТА.

Никто, я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за споломъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните плапокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

КЛОТИЛЬДА.

Или ты дура, или Францъ предерзкая пварь.
(*Входятъ: Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ.*)

АЛЬБЕРТЪ.

Сестра! представляю тебѣ своего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

ГРАФЪ.

Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать эту прекрасную руку, изъ кошорой получили онъ драгоценную награду.

КЛОТИЛЬДА.

Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (*Уходитъ*).

ГРАФЪ.

Какъ она прекрасна!

АЛЬБЕРТЪ.

Она предобрая дѣвушка. Графъ! что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Францъ! разуй графа. (*Францъ медлитъ*). Францъ! развѣ ты глухъ?

ФРАНЦЪ.

Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разубавь.

ГРАФЪ.

Ого, какой удалый!

АЛЬБЕРТЪ.

Грубіянъ! (*замахивается*) я тебя прогоню.

ФРАНЦЪ.

Я самъ готовъ оставить замокъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Мужикъ, подлая шварь. Извините, графъ, я

съ нимъ управляюсь. — Вонъ!... (*Толкаетъ его въ спину*) чшобы духу швоего здѣсь не было.

ГРАФЪ.

Пожалуйспа, оставь этого дурака; онъ, право, не спѳишь.

IV.

КЛОТИЛЬДА.

Братецъ! мнѣ до тебя просьба.

АЛЬБЕРТЬ.

Чего ты хочешь?

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца; онъ осмѣлился мнѣ наглубить...

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ! и тебѣ?... Жаль же, что я ужъ его прогналъ; онъ опъ меня шакъ скоро бъ не опдѣлался. Да что же онъ сдѣлалъ?

КЛОТИЛЬДА.

Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогналъ, шакъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго ли графъ пробудетъ у насъ?

*

АЛЬБЕРТЬ.

Думаю, сеспра, что это будешь зависѣшь
опъ шебя. Что жъ ты красѣешь?...

КЛОТИЛЬДА.

Ты все щупишь, а онъ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Не думаетъ? о чемъ же?

КЛОТИЛЬДА.

Ахъ, брашець, какой ты несносный! Я гово-
рю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Посмотримъ, посмотримъ. Что будешь, то
будешь.

У.

ФРАНЦЪ.

Воптъ нашъ домикъ... зачѣмъ было мнѣ ос-
павляшь его для гордаго замка? Здѣсь я былъ
хозяинъ, а шамъ слуга — и для чего? Для гор-
дыхъ взоровъ наглой, благородной дѣвицы. Я пе-
реносилъ униженіе, я унизился въ собственнѣхъ
глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто
былъ моимъ поварищемъ; я привыкъ сносить
дѣшскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы, я
не примѣчалъ ничего... Я, копорый не хощѣлъ
зависѣшь опъ опца, я спалъ зависѣшь опъ чу-
жаго. И чѣмъ все эшо кончилось? Боже! кровь
кидается въ лице, кулаки мои сжимающся... О,
я самъ опмщу, опмщу... Какъ - по примешъ
меня опецъ? (*Стучится*).

КАРЛЪ (*выходитъ*).

Кпо тамъ такъ стучишь? А! Францъ, эшо
пы. (*про себя*) Воптъ чорпъ принесъ!

ФРАНЦЪ.

Здравствуй, Карлъ; опецъ дома?

КАРЛЪ.

Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Опецъ швой съ мѣсяць какъ ужъ померъ.

ФРАНЦЪ.

Опецъ мой умеръ! Невозможно!

КАРЛЪ.

Такъ-шо возможно, что его и схоронили.

ФРАНЦЪ.

Бѣдный, бѣдный спарикъ!... И мнѣ не дали знашь, что онъ боленъ; можетъ бышь, онъ умеръ съ гореспи: онъ меня любилъ, онъ чувствоваль сильно. Карлъ! и ты не могъ послашь за мною? Онъ меня бы благословилъ.

КАРЛЪ.

Онъ осердился на прикащика и выпилъ сто-ряча при бутылки пива, опъ того и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства, а опдалъ все свое имѣнiе...

ФРАНЦЪ.

Кому?

КАРЛЪ.

Не смѣю тебѣ сказать . . ты такой вспыльчивый.

ФРАНЦЪ.

Знаю : тебѣ . . .

КАРЛЪ.

Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать . . . потому - что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако вошь по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ наследникъ отца, а не подмастерье . . . Но видишь, Францъ . . . я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вошь теперь какъ же-нашь, ужъ я и не знаю что дѣлать . . . и какъ быть.

ФРАНЦЪ.

Владѣй себѣ моимъ наследствомъ, Карлъ; я у тебя его не пребую. На комъ ты женился?

КАРЛЪ.

На Юліи Фурспъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурспа, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь оспаться, то у меня есть порожній уголокъ . . .

ФРАНЦЪ.

Нѣтъ, благодарствую, Карлъ; кланяйся Юліи

и вопъ опдай ей эту серебряную цѣпочку опъ
меня, на память.

КАРЛЪ.

Добрый Францъ! Хочешь съ нами опобѣдать?
Мы шолько-чпо сѣли за споль.

ФРАНЦЪ.

Не могу, я снѣшу...

КАРЛЪ.

Куда же?

ФРАНЦЪ.

Такъ, самъ не знаю, прощай.

КАРЛЪ.

Прощай, Богъ тебѣ помоги. (*Францъ уходитъ.*) А какой онъ добрый мальиъ, и какъ жаль,
чпо онъ такой безпунный! Ну, шеперь я со-
вершенно спокоснъ: у меня не будепъ ни шяж-
бы, ни хлопощъ.

VI.

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

ФРАНЦЪ.

Они прѣдупѣть черезъ эпу лужайку: смотрише же, не робѣшь; подпустише ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнушъ и наскочушъ; шушъ вы размахнишесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу! Вопшъ они. (*Францъ съ частію вассаловъ скрывается за лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ*).

РЫЦАРИ.

Гей, вы! долой съ дороги.

(*Вассалы съмаютъ шляпы и не трогаются*).

Долой, говоряшъ вамъ... Чпо эшо значишъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣспа.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А вопшь, пришпоримъ лошадей, да попопчемъ ихъ порядкомъ.

КОСАРИ.

Ребяша, не робѣшь . . .

(Лошади раненыя падаютъ съ слѣдоками, другія бѣсятъ).

ФРАНЦЪ *(бросается изъ засады).*

Впередъ, ребяша! У! у!

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Плохо, брашъ, ихъ болѣе ста человекъ.

ДРУГОЙ.

Ничего, насъ еще пятеро верхами.

РЫЦАРИ.

Подлецы, собаки, вопшь мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами).

У! у! у! Наша взяла! . . . Теперь вы въ нашихъ рукахъ. . . Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые.

ФРАНЦЪ.

Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья! подымите забрала, гдѣ Альбертъ?

(Идетъ другая толпа рыцарей).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Господа! посмотрише, что эшо значить? здѣсь дерушся.

ДРУГОЙ.

Эшо бунтъ; подлый народъ бьётъ рыцарей.

РЫЦАРИ.

Господа! господа! копыя въ упоръ! пришпоривай!...

(Нахавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ.)

ВАССАЛЫ.

Бѣда! бѣда! Эшо рыцари!...

ФРАНЦЪ.

Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти чловѣкъ!... *(Онъ раненъ; рыцари хватаютъ его за воротъ.)*

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Поспой, брагъ, опшложи свою проповѣдь.

ДРУГОЙ.

И эши подмыя твари могли побѣдитъ благородныхъ рыцарей! Смоприше, одинъ, два, при... девять рыцарей убито. Да эшо ужасъ!

(Лежаціе рыцари встаютъ одинъ за другимъ.)

РЫЦАРИ.

Какъ! вы живы?

АЛБЕРТЪ.

Благодаря желѣзнымъ лапамъ... (*Встѣ смѣются*). Ага! Французъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Гг. Рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Не за что; на нашемъ мѣспѣ вы бы сдѣлали то же самое.

АЛБЕРТЪ.

Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія, и на досугъ попить?

РЫЦАРИ.

Извините, что не можемъ воспользоуаться вашимъ благороднымъ госпепринимомъ: мы спѣшимъ на похороны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

АЛБЕРТЪ.

По-крайней-мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня опужинашь.

РЫЦАРИ.

Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей;

позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы (*сидятся*). А этого молодца, шакъ и бышь, доведемъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

—

(Рыцари ужинаютъ).

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Славное вино!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Ему болѣе спа лѣпъ... Прадѣдъ мой посшавиль его въ погребѣ, опсправляясь въ Палестину, гдѣ и оспался. Эпопѣ походѣ ему спониль двухъ замковъ и Ротенфельдской роци, копорую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-шо епископу.

РЫЦАРИ.

Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

КЛОТИЛЬДА.

Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

За здоровье нашихъ избавишелей.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то не доспаетъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Знаю, Кипрскаго вина; что дѣлать—все вышло на прошлой недѣль.

РЫЦАРЬ.

Нѣтъ, не Кипрскаго вина, не доспаетъ пѣснь миннезингера.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Правда, правда... Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Спупайте-ка въ госпинницу.

АЛЬБЕРТЪ.

Да чего же намъ лучше? Вѣдь Франць еще не повѣшенъ: кликнущъ его сюда.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, кликнушь сюда Франца.

- РЫЦАРЬ.

Кто эпокъ Францъ?

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Да топъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

РЫЦАРЬ.

Такъ онъ еще и миннезингеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

О! все, что вамъ угодно. Вопъ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Францъ! рыцари хопяпъ послушапъ пвоихъ пѣсенъ, если спрахъ не опшибъ у тебя памя-пи, а голось еще не пропалъ.

ФРАНЦЪ.

Чего мнѣ болясья? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голось мой не дрожишъ, и языкъ поворачиваешся.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Посмопримъ, посмопримъ. Ну, начинай.

ФРАНЦЪ (*поетъ*).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ-виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врезалось ему.

Съ той поры, сторгнувъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Втрень сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между-тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
 Жилъ онъ, строго заключенъ,
 Все безмолвный, все печальный,
 Какъ безумецъ умеръ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна.
 Нѣтъ ли чего повеселѣе?

ФРАНЦЪ.

Извольте, есть и повеселѣе.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Люблю за то, что не унываете. Вотъ тебѣ
 кубокъ вина.

ФРАНЦЪ.

Воротился ночью мельникъ . . .
 Жонка! Что за сапоги? —
 Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
 Гдѣ ты видишь сапоги?
 Иль мутить тебя лукавой?
 Это ведра. — Ведра? Право?
 Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
 Ни во снѣ, ни наяву
 Не видалъ до этихъ поръ
 Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ.

РЫЦАРИ.

Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай да Францъ!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А все-таки тебѣ повѣшу.

РЫЦАРИ.

Конечно; пѣсня пѣснію, а веревка веревкой: одно другому не мѣшается.

КЛОТИЛЬДА.

Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; общайтесь не отказавъ.

РЫЦАРИ.

Что изволише приказавъ?

ОДИНЪ.

Мы госповы во всемъ повиновавша.

КЛОТИЛЬДА.

Нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной и спрахомъ висѣлицы.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Помиловать его!... Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнушь ихъ порядкомъ, да пощадишь ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

КЛОТИЛЬДА.

Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда ли, что если себя помилюють, то уже болѣе бунтовать не станешь?

ФРАНЦЪ (*въ чрезвычайномъ смущеніи*)

Сударыня... сударыня...

*

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Ну, Ротенфельдъ, чего дама пребуесть, въ помъ рыцарь опказать не можесть. Надобно его помниловаць.

ВСЪ РЫЦАРН.

Надобно его помниловаць.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Такъ и быць: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ шюрму, и даю мое честное слово, что онъ до пѣхъ поръ изъ нея не выйдеть, пока снѣжны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

РЫЦАРН.

Быць такъ. . . .

КЛОПИЛЬДА.

Однако. . . .

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Клопильда! я далъ честное слово.

ФРАНЦЪ.

Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Опведите его въ башню. . . (*Франца ведутъ*).

ФРАНЦЪ (*уходя*).

Однако жъ я ей обязанъ жизнию.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.